

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Казанский юридический институт

Ю.Ю. КОМЛЕВ

ТЕОРИИ ПРЕСТУПНОСТИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Казань 2017

ББК 67.625.3я7

К 63

*Одобрено
редакционно-издательским советом
Казанского юридического института МВД России*

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор **М.В.Талан**
(Казанский (Приволжский) федеральный университет),
доктор философских наук, профессор **В.В.Балахонский**
(Санкт-Петербургский университет МВД России)

Комлев Ю.Ю.

К 63 Теории преступности : учебное пособие / Ю.Ю.Комлев. – Казань: КЮИ МВД России, 2017. – 107 с.

В пособии излагаются основные положения социологических теорий преступности, рассматривается их генезис от позитивистской и неопозитивистской (постклассической) парадигм к интегративной теоретической перспективе.

Учебное пособие адресовано курсантам, слушателям, адъюнктам, преподавателям вузов системы МВД при изучении дисциплин «Девиантология» и «Криминология».

В оформлении обложки использована фоторабота, размещенная в сети Интернет в свободном доступе.

ISBN 978-5-906977-05-2

ББК 67.625.3я7

©Комлев Ю.Ю., 2017

©КЮИ МВД России, 2017

Оглавление

Введение.....	4
1.Теории преступности: понятие, типы, критерии оценки	11
2.Позитивистская парадигма в социологической крими- нологии.....	23
3.От интеракционизма, стигматизации к феноменологии и конструктивизму в теориях преступности.....	42
4.Конфликтологический подход, радикально- критическая и феминистская теории.....	55
5. Постмодернизм о преступности.....	72
6.Интеграция криминологических знаний: теории и пер- спективы.....	81
6.1.Предпосылки теоретической интеграции, типы причинности в криминологии.....	81
6.2.Модернистская интеграция.....	86
6.3.Постмодернистский синтез.....	93
6.4.Пост-постмодернистская интеграция.....	96
Литература.....	104

*Криминологическая теория чаще всего связана
с открытием причин преступности
и эффективностью различных методов
ее исследования...*

Герман Мангейм

Введение

Преступность как общественный феномен является одной из самых сложных социальных проблем первых десятилетий XXI века. Ее новые образы продуцируются «ультрасовременным капитализмом», который формирует и «новый мировой порядок».

В рыночном обществе постмодерна - там, где «правят» деньги, где они ценятся превыше всего, формируется «плодородная» почва для воспроизводства многообразных проявлений преступности и других социальных проблем. Безудержная артикуляция и пропаганда личного обогащения, выгоды становится в этой среде принципом организации практически всех областей социальной жизни. Отсюда неизбежны: усиление социально-экономического неравенства; нуклеаризация и дисфункции семьи, рост отчуждения между молодежью и старшим поколением; снижение доступности высшего образования; падение уровня массового образования; рост безработицы и обострение конкуренции на рынке труда, миграция; усиление борьбы за обладание дефицитными ресурсами.

«Терминальный кризис» капиталистического мира приводит к его расколу на успешных «включенных» («новый глобальный класс») и неуспешных «исключенных» из социальных перспектив, составляющих постоянно растущее большинство. В первой четверти наступившего века у абсолютного большинства «ис-

ключенных», увы, нет шансов для получения образования, занятости, достижения возжеленного материального успеха и благополучия законным путем.

В итоге не только на периферии, но и в центре глобальной мира-системы формируется обширная социальная база из числа «исключенных», в которой получают массовое распространение радикальные идеи, преступность и другие девиантные практики. Наглядным примером является повсеместный рост проявлений терроризма и террористических организаций, таких как запрещенная в России ИГИЛ. Криминальные, религиозные, межэтнические конфликты в местах «социальных разломов» сопровождаются множеством невинных жертв, бегством миллионов людей от ужасов террора, войны и нищеты.

На криминальное поведение в «новом мире» оказывают взаимосвязанное влияние многочисленные структурные, процессуальные переменные, технологические и культурные детерминанты, а также факторы интерсубъективности, пересекающихся друг с другом в контексте жизненного пространства и личного опыта людей как членов различных общностей.

Различные проявления преступности в области семейного, гендерного насилия, социального неблагополучия в среде молодежи и несовершеннолетних, в контексте религиозных и межэтнических отношений, в сфере экономики, экологии, политики и управления требуют сегодня новых подходов к их осмыслению, а также освоения «старых» и новых криминологических знаний, необходимых для совершенствования системы социального контроля.

В мире инноваций преступность заявляет о себе в новых малоизученных «технологических» формах, обусловленных, в частности, экспансией Интернета. Она быстро трансформируется и распространяется в виртуальной реальности. Киберпреступность, благодаря растущей активности хакеров, фрикеров, кибермошенников всех мастей, становится «сетевым феноменом», ускользающим от контроля со стороны дистрибутивного уголовного права и

инертных в организационном смысле полицейских структур. Отстают от бега времени и технологических перемен институты расследования, судопроизводства, пенитенциарной системы, которые не обеспечивают в полной мере задачи превенции, коррекции и исправления криминального поведения.

В криминологических работах, посвященных изучению преступности в мире постмодерна, выделяются и анализируются наиболее опасные ее проявления: терроризм (terrorism), государственно-организованная преступность (state-organized crime), преступность «белых воротничков» (white-collar crime), в том числе корпоративная преступность (corporate crime), организованная преступность (organized crime), наркопреступность (drug abuse and crime), а также новые формы преступности в сфере высоких технологий (high-tech crime) и киберпреступность (computer crime).¹

Глобальные перемены в мире влекут за собой, с одной стороны, *гентрификацию* (перемещение и рассеивание) преступности, с другой – ее *геттоизацию* (концентрацию и интенсификацию). Эти тренды заявляют о себе не только в экономически развитых, но и развивающихся странах с преимущественно сырьевой экономикой и высоким уровнем расслоения населения, таких, как Россия и другие страны постсоветского пространства.²

Современная преступность весьма болезненно воспринимается людьми во всех слоях общества, поскольку она сопряжена с реально существующими криминальными угрозами и рисками. Кроме того, преступность – это и релятивная, конвенциональная, социальная конструкция. В качестве «преступного» законодателем конструируются на основе компромиссов те составы, которые создают проблемы не только для обычных людей, но и для представителей правящего класса. Страх перед преступностью

¹Schmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey, 1999. P.377-494.

²Комлев Ю.Ю. Преступность: тренды и вызовы на пороге новой технологической революции // Вестник ВЭГУ. 2017. №4.

нередко нагнетают в СМИ и используют в популистских политических целях.

Несмотря на рост расходов на содержание юстиции и правоохранительных органов во всем мире, традиционная неоконсервативная модель социального контроля по типу «закон и порядок» не обеспечивает конституционные гарантии и социальную эффективность даже в богатых европейских странах. Об этом свидетельствуют террористические атаки в Лондоне, Париже, Брюсселе, других столицах. Жертвой террора может стать кто угодно, где угодно и когда угодно. Выстроенные на позитивистской теоретической основе как репрессивные, так и социально ориентированные модели социального контроля систематически дают сбои. Все эти проявления свидетельствуют о глубоком «кризисе наказания и полицейского контроля» в мире постмодерна и технологической революции.

Криминальная реальность и проблемы социального контроля над ней питают критический дискурс в науке. Как справедливо считает профессор Я.И. Гишинский, в мире сложилась проблемная ситуация, состоящая в неадекватности социальных реалий (девиантности общества), реакции социального контроля на них и научного осмысления этих феноменов.¹ Растет число критических работ, раскрывающих иллюзии относительно традиционного социального контроля. Остро обсуждаются вопросы совершенствования системы уголовного правосудия в контексте изменения научной парадигмы в криминологии и правоприменительной практики.

Научное знание о преступности является итогом длительного соревнования, в ходе которого сложилось определенное множество парадигм, теорий и теоретических перспектив. В конечном счете, синтетический потенциал криминологических иссле-

¹Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»: монография. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013.

дований и теорий позволяет создать такие объяснительные модели преступного поведения, которые позволяют лучше понять диалектическую природу преступности, ее социальную обусловленность. Адекватная современности криминологическая теория способствует обоснованию социально более эффективных стратегий и практик в сфере контроля над преступностью и другими проявлениями негативной девиантности.

В мировой науке о преступности активно развивается интегративный теоретический дискурс, выстраиваются новые интегративные концепции и теоретические перспективы. Интегративный подход позволяет успешно применять методологическую триангуляцию, объединяя эвристические возможности статистических, социологических количественных и качественных методов исследования. Однако это социологическое направление, созданное за рубежом, в отечественной криминологии, являющейся преимущественно юридической наукой, еще очень скромно представлено в монографической и учебной литературе.

В целом, курсантам и студентам, адъюнктам и аспирантам, преподавателям доступны, пожалуй, лишь несколько зарубежных изданий, переведенных на русский язык. Это коллективный учебник «Криминология» под редакцией Дж.Ф.Шели (2003), а также книга Р.Блэкборна «Психология криминального поведения» (2004).

Определенный опыт систематизации классических позитивистских, непозитивистских, критических, в том числе постмодернистских криминологических теорий, созданных зарубежными и отечественными исследователями, накоплен российскими криминологами и социологами (А.И.Долгова, С.М.Иншаков, Я.И.Гишинский, Д.А.Шестаков, А.Л.Салагаев, А.Л.Сморгунова, В.А.Бачинин, Т.В.Шипунова, Ю.Ю.Комлев и другие). Тем не менее, сложившаяся гносеологическая ситуация вызывает необходимость еще раз «разобраться» с темой генезиса структурированных социологических знаний о преступности как в форме класси-

ческих, позитивистских, так и непозитивистских, постнеклассических теорий и относительно новых интегративных концепций.

Обзор социологических теорий преступности, представленный в этом пособии, подготовлен по данным контент-анализа переводов ряда фундаментальных зарубежных криминологических работ, выполненных автором.¹ В той или иной мере, тот или иной аспект криминологических теорий отражен в ряде научных и учебных изданий, подготовленных автором.² Однако они, увы, не всегда доступны тем, кто интересуется и изучает социологические теории преступности, особенно, в новом постмодернистском дискурсе и интегративной теоретической перспективе.

Между тем, научное осмысление преступности и адекватных ее природе механизмов социально-правового контроля все больше требует добротного изучения социологических оснований современной криминологии курсантами юридических вузов системы МВД России и практиками полицейской работы. Контекстуальное изучение «старых» и «новых» криминальных проявлений во взаимосвязи с другими социальными феноменами и процессами существенно повышает эвристический потенциал науки в стремительно меняющемся мире.

Предлагаемое учебное пособие, разумеется, не претендует на исчерпывающее освещение всех социологических теорий преступности. Скорее, оно рассчитано на описание и анализ но-

¹See: Akers R. *Criminological Theories*. Los Angeles, 1997; Milovanovic D. *Postmodern Criminology*. N.Y-L.: Garland Publishing, Inc., 1997; Downes D., Rock P. *Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking*. 3-rd ed. Oxford University Press, 1998; Schmalleger F. *Criminology today: an integrative introduction*. New Jersey, 1999; Barak G. *Integrating criminologies*. Boston: Allyn & Bacon, 1998; Barak G. *Criminology: An Integrated Approach*. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

²Комлев Ю.Ю. *Теории девиантного поведения: учебное пособие*. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд.дом «Алеф-пресс», 2014; *Современная девиантология: методология, теория, практика* : коллективная монография / под ред. Ю.А. Клейберга и Kwati S. Darty. London: UK Academy of Education, 2016; Комлев Ю.Ю. *Интегративная криминология: девиантологический очерк*. Казань: КЮИ МВД России, 2016; Комлев Ю.Ю. *Генезис зарубежных теорий преступности: от позитивистских моделей к постпостмодернистскому синтезу криминологических знаний* // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2017. №1.

вых векторов в развитии криминологического знания и поэтому может быть полезным дополнительным источником для изучения «Девииантологии» и «Криминологии».

Пользуясь случаем, считаю своим долгом выразить признательность за техническое оформление книги кандидату педагогических наук, доценту ***Еникеевой Суфии Загитовне***.

Приношу искреннюю благодарность за труд по изучению книги и ее позитивную оценку рецензентам:

Марии Вячеславовне Талан, доктору юридических наук, профессору, заведующей кафедрой уголовного права юридического факультета Казанского (Поволжского) федерального университета;

Виталию Витальевичу Балахонскому, доктору философских наук, профессору, профессору кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

1.Криминологическая теория: понятие, типы, критерии оценки

Для многих людей, в том числе и студентов, курсантов термин «теория» звучит нередко как абстрактная идея, имеющая весьма слабое и опосредованное отношение к реальной жизни. Очевидно, что не всем, «грызущим гранит науки», с легкостью поддаются теории и абстрактное мышление в целом.

Большинство из нас в повседневной жизни, действительно, имеет дело с фактами. Факты – «упрямая вещь», они реальны и более понятны, чем любая теоретическая конструкция, которая, как считают скептики, нужна лишь для «умственной гимнастики». Социальных теорий много, и они, по их мнению, лишь гипотетически и отчасти определяют ту или иную модель реального поведения человека.

Теории преступного поведения – не исключение: для многих они малопонятны и трудно применимы на практике. Это, увы, распространенное, но весьма превратное представление о теориях в целом и криминологических теориях, в частности. Ответ на вопрос о том, почему одни люди (их большинство) приспособляются, а другие (их меньшинство) отклоняются от уголовно-правовых норм, имеет не только умозрительный, но и в не меньшей мере практический смысл. Он является неотъемлемой частью любого проекта по осуществлению социализации и социального контроля. Отсюда создание и применение криминологических теорий, позволяющих лучше моделировать преступность,

способствуют оптимизации механизмов социального контроля и практик правоприменения над ее различными проявлениями.

В мировой и отечественной криминологии накоплен громадный теоретический опыт по моделированию преступности. Эффективная теория помогает «расшифровать» казуальную сторону многих «трудных» для понимания делинквентных форм поведения и преступных карьер. Кроме того, теория создает предпосылки для понимания и объяснения природы новых, еще недостаточно изученных примеров преступного поведения и иных отклонений. Криминологические теории дают ответы на самые важные вопросы о природе преступного поведения. Главные среди них: «Почему одни люди нарушают уголовно-правовые нормы, а другие – нет?»; «Каким образом?»; «Почему одни люди, имея возможность, совершают преступления, а другие, с такими же возможностями, не преступают закон? Почему одни личности склонны выстраивать криминальную карьеру, а другие, один раз оступившись, навсегда отказываются от криминальной перспективы?». Теоретическое знание позволяет понять, отчего существуют определенные различия в уровнях преступного поведения в разных социальных группах и общностях.¹

Существует много интерпретаций понятия «теория». Весьма убедительное определение теории было выдвинуто известным современным американским криминологом Доном Готтфредсоном. Готтфредсон считает, что «теории состоят из серии взаимосвязанных суждений, которые позволяют: описать, объяснить, предсказать события из определенного класса и, в конечном счете, управлять ими».² Следовательно, можно сказать, что крими-

¹ Например, с точки зрения гендерных различий, мужчины значительно чаще, чем женщины, становятся участниками криминальных актов. В полиэтнических и поликультурных обществах уровень преступности заметно выше, чем в обществах этнически однородных, с одной доминирующей культурой. В Японии, как известно, уровень преступности существенно ниже в удельных показателях, чем в США и наиболее развитых европейских странах.

²Schmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey, 1999. P.110.

нологическая теория – это набор упорядоченных и взаимосвязанных положений, позволяющих описать, объяснить, спрогнозировать характеристики и детерминанты феноменов преступности, которые необходимы для разработки мер противодействия.

Криминолог Кеннет Р.Ховер выделяет четыре основные способа использования теории в социальных науках:

- обеспечение образцами (patterns) для интерпретации эмпирических данных;
- связь одного исследования с другим;
- создание методологической рамки (frameworks), в пределах которой понятия и переменные приобретают специальное значение;
- качественная интерпретация полученных научных результатов».¹

Фактически любая линия поведения, ведущая к преступлению как самому социально опасному виду девиантности, может быть описана той или иной теорией преступности или группой теорий. Криминологические теории и эмпирические исследования преступности, проведенные в определенной методологической рамке, создают основу для описания казуальных моделей ее детерминации, процессов конструирования/деконструирования некоторых видов делинквентности, а также обоснования способов социального контроля, в рамках которых государство и общество реагируют на факты криминального поведения. Отсюда теоретическое знание в вопросах понимания и объяснения преступности актуально не только для ученых, но и для всех тех, кто участвует в работе институтов формального (полиция, судебная и пенитенциарная система) и неформального (семья, религия, система образования, масс-медиа, community) социального контроля.

Криминологических теорий много. Они различаются по разным основаниям. Теории преступности можно выделять по *временному* критерию: ранние (теория атавизма, психопатическая

¹Ibidem. P.111.

теория, теория аномии Э.Дюркгейма), поздние (бионейропсихология, биопсихологическая теория криминальности, теория аномии/напряжения Р.Мертона). В классификациях в качестве основания иногда используют *методологический* критерий (метафизические, позитивистские, непозитивистские теории). Типологизация теорий преступности может опираться на *парадигмальный* критерий. Так, собственно социологические теории преступности можно отнести к органико-структурно-функционалистским, конфликтно-радикальным, социально-бихевиористско-психологическим. Криминолог-неопозитивист Рональд Айкерс, опираясь на подобный критерий, группирует теории преступности на структурные (теория дифференциальной ассоциации, теория фрустрации статуса) и процессуальные (теория «драматизации зла», теория реинтегративного стыда). Структурные теории показывают, что соотношение преступлений среди групп, общностей и классов определяется изменениями в социально-культурной структуре общества. Процессуальные теории утверждают, что люди совершают преступления, потому что они имеют определенный прошлый опыт делинквентности, пережили определенные события и приобрели специфические личные качества и реакции на те или иные криминальные ситуации.

Ален Лиска в рамках неопозитивизма, обобщая опыт теоретического синтеза в 1980-е годы, выделяет концептуальную и пропозициональную интеграцию в теоретической криминологии. Криминолог-постмодернист Грег Барак в своих ранних работах рассматривает уже три уровня группировки позитивистских интегративных теорий: микромоделю (микросоциальные процессы), макромоделю (макросоциальные структуры), микро-макро или смешанные модели.¹ Современные криминологи-постмодернисты выделяют на парадигмальном основании эмпирически обоснованные позитивистские (модернистские) и постэмпирические (постмодернистские) теории преступности.

¹Barak G. Integrating criminologies. Boston: Allyn & Bacon, 1998. P.193-199.

В ряде новейших критических работ постмодернистов широко используется выделение не одной теории, а группы относительно новых или вновь появляющихся теоретических перспектив постмодернистского анализа преступности. Среди них: конститутивная, феминистская, критическая, культуральная, реалистическая, топологическая, анархическая, интегративная криминологии. В первом десятилетии нового века в работах Г. Барака интегративные криминологические теории (теоретические перспективы) подразделяются на модернистские, постмодернистские и гибридные (смешанные) – пост-постмодернистские.¹

Весьма распространенной, ставшей классической для учебных работ является типологизация теорий преступности, которая позволяет интегрировать некоторые из перечисленных выше подходов на основе *междисциплинарного* критерия. В зарубежных и отечественных источниках таким принято считать подход, основанный на выделении антропо-биологических, психологических и собственно социологических теорий преступного поведения.

В антропо-биологических теориях объяснительные модели преступного поведения выстраиваются в рамках доминирования антропологических, биологических, биохимических и генетических факторов.

В психологических теориях детерминация преступности описывается психологическими переменными, связанными с психологическими травмами, нейропсихологическим дисфункциями, комплексами неполноценности, стадиями психосексуального развития личности, фрустрацией, агрессивными побуждениями или эффектами социального научения. Причем современные теории, созданные в рамках антропоцентризма, не исключают вторичного влияния социокультурных и иных структурных факторов на генезис девиантного поведения.

¹Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage, 2002) [Электронный ресурс]. URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative.htm; Barak G. Criminology: An Integrated Approach. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

Социологические теории преступности рассматривают природу преступности полипарадигмально с учетом анализа структурного (структурно-функционального, социокультурного, конфликтологического), процессуального (интеракционистского, феноменологического, конструкционистского), модернистского, постмодернистского контекстов. В постмодернистской криминологии преступность определяется контекстуально и как поведенческая практика, и как рекурсивная продукция – однообразные действия, ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях.

Разделение теоретического наследия в мировой криминологии на антропо-биологические, психологические и собственно социологические теории достаточно условно, поскольку многие категории в анализе природы преступного поведения коррелируют и дополняют друг друга. Например, понятия структуры и процесса взаимозависимы и частично совпадают, между биологией и психологией в природе девиантного поведения человека также немало общего. Социальный контроль трудно отделить от преступности – это дополняющие друг друга категории, поскольку чрезмерное давление негативных уголовно-правовых санкций нередко порождает стигматизацию девианта и, как следствие, рецидивизм и криминальную карьеру. Биологические корреляты, как правило, рассматриваются с учетом социальных и психологических переменных.

Основные критерии оценки теории. Наибольшее число криминологических теорий создано в рамках позитивизма и неопозитивизма. В настоящее время с ростом поликонцептуальности, полипарадигмальности и методологического плюрализма в теоретическом соревновании переосмысливаются старые и выдвигаются новые критерии оценки теории.

Многообразие подходов и теоретических конструкций провоцирует научные дискуссии. Положения некоторых из них под-

вергаются критике, поскольку носят достаточно противоречивый и не вполне обоснованный характер. Ряд теорий критикуют за субъективизм, идеологизацию в оценке факторов преступности или низкую практическую ценность подхода.

Разумеется, важно, чтобы теория была ценностно нейтральной. Вместе с тем ряд из них несет существенную идеологическую нагрузку. Так, в неомарксистских теориях конфликта, радикальной криминологии этот контекст очевиден, поскольку он обусловлен идеологической критикой капитализма.

В оценке теории следует избегать ориентации на авторитетное, субъективное мнение, идеологические или личные пристрастия. При этом возникает закономерный вопрос: «Как оценить, как выяснить, какая теория наиболее адекватно моделирует природу делинквентности и ее детерминанты?».

Криминологическая, как, впрочем, и любая другая теория, должна оцениваться только по научным критериям. Ключевым из них, следуя позитивистской логике, является критерий эмпирической обоснованности. Он позволяет оценить теорию (подтвердить или опровергнуть ее) тщательно собранными фактами из опыта, практики. Кроме того, теория должна соответствовать критериям логической последовательности и непротиворечивости, доказуемости, области применения, практической пользы. Рассмотрим их более детально.

Критерий эмпирической обоснованности. Это наиболее важный оценочный критерий теории. Он означает, что теория верна, если ее положения подтверждаются на практике. Впрочем, абсолютно верных теорий в социальных науках нет и быть не может, поскольку знание – категория релятивная. Поэтому ключевым является ответ на вопрос о том, в какой степени теория эмпирически обоснована, обеспечивают ли собранные эмпирические факты ее слабую или сильную поддержку, как сопоставляется эмпирическая обоснованность данной теории и других теорий преступности.

В качестве примера рассмотрим обоснованность теории устрашения, на которую ориентируются многие практики в сфере отечественного правоприменения (классический подход). В соответствии с постулатами этой теории преступники не должны совершать рецидив после освобождения из мест лишения свободы, если они были подвержены суровой уголовной репрессии. Однако рецидивная преступность в России, по оценкам Я.И. Гилинского, в постсоветский период составляет 20-28%.¹ По данным МВД России, при общем снижении объема преступности количество рецидивных преступлений в 2010 году возросло на 40%. В итоге каждое третье преступление совершено лицами, имеющими судимость.² Таким образом, тюремное заключение, как мера наказания, позитивно корректирует поведение лишь некоторой части делинквентов. Следовательно, теория устрашения недостаточно обоснована опытом.

Эмпирическая обоснованность не означает, что теория должна однозначно определять переменные, которые всегда вызывают совершение криминального действия. Как известно, традиционное линейное понимание причинности предполагает, что фактор X должен производить эффект Y. Иначе говоря, фактор X должен быть и «необходимым», и «достаточным» условием одновременно, чтобы вызвать поведение Y. Однако ни одна теория преступного поведения не может гарантировать набор объяснительных переменных, которые выступают одновременно и необходимыми, и достаточными условиями детерминации делинквентности.

Для оценки эмпирической обоснованности криминологических теорий современные исследователи исходят из вероятностного нелинейного понимания причинности, в соответствии с ко-

¹Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С.435.

²Петров И. В России резко выросло количество рецидивных преступлений // RBCDAILY от 30.03.2011 url: <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/30/focus/562949979958708>

торым присутствие фактора X делает наступление криминального события Y более вероятным. Иными словами, вариации в преступном поведении определенным образом соотносятся с вариациями в объяснительных переменных, определенных теорией. Комплекс переменных теоретической модели лишь с некоторой (большей или меньшей) вероятностью предопределяет криминальность как результирующую функцию. Причем, чем сильнее взаимосвязь исходных переменных и преступного поведения, тем больше эмпирическая обоснованность теории.

Интерпретируя взаимосвязь между исходными переменными и функцией как причинную в вероятностном значении, необходимо оценить ее направленность, поскольку при наличии обратных связей независимые и зависимые переменные могут меняться местами. Например, теория может постулировать, что трудный подросток вовлечен в делинквентное поведение в результате связей и дружбы с представителями местной молодежной преступной группы. Ассоциация между преступным поведением одного человека и делинквентностью группы его друзей может служить доказательством в поддержку теории. Однако может существовать и обратная связь. Индивид сам встает на путь преступлений и затем ищет себе молодых союзников по преступному ремеслу. Следовательно, результирующая делинквентность подростка может быть одновременно и зависимой, и независимой переменной, как результат его предыдущего преступного опыта.

Таким образом, вероятностное понимание причинности в криминологии позволяет считать, что различные факторы (генетические, психологические, структурные, социокультурные) лишь влияют и ограничивают действия девианта. При этом они оставляют ему место для индивидуального выбора преступного или иного отклоняющегося поведения, который в итоге не может быть однозначно предсказан.

Логическая последовательность и непротиворечивость.

Одной из важнейших характеристик научной теории является безусловное соответствие ее положений универсальным требованиям логики: четко определенные понятия, логически выстроенные суждения, непротиворечивые и последовательные положения и выводы. Так, например, если теория утверждает, что преступники биологически неполноценны и это объясняет их отклоняющееся поведение, то она не может опираться на утверждение, что социализация личности в семье является основой делинквентности.

Доказуемость. Научная теория должна быть доказана объективными и стабильными фактами, свидетельствами. Если теория не может быть проверена эмпирическим путем, то она не имеет научной ценности. Доказуемость теории – это степень, по которой она может быть подтверждена или опровергнута соответствующими эмпирическими данными. Она должна быть открыта для эмпирической проверки, для конкуренции, для анализа свидетельств, которые подтверждают или опровергают ее гипотезы.

Впрочем, теория преступности может быть и недоказуема, если ее положения содержат тавтологию. Утверждение тавтологично, если является истинным по определению или создает замкнутый круг рассуждений. Например, тавтологией является следующее суждение. Автор теории определяет слабое самообладание как неспособность воздержаться от преступления, а затем выдвигает гипотезу, в соответствии с которой слабое самообладание есть причина нарушения закона.

Теория может быть недоказуема, если суждения настолько несовершенны, что любое спорное эмпирическое свидетельство может быть интерпретировано или переинтерпретировано за или против теории. Теория также может быть недоказуема, если ее понятия не имеют отношения к измеряемым на практике фактам и событиям. Даже нетавтологичная теория не может быть доказана, если невозможно найти фактологию, которая объективно соответствовала бы используемым в ней понятиям. Например, ги-

потеза утверждает, что люди совершают преступления, потому, что они подвержены влиянию козней неких незримых злых духов. При этом нет фактов, способных подтвердить, есть ли эти злые силы на самом деле в природе или нет, ответственны они за преступление или нет. В этом случае теорию доказать невозможно.

Область применения. Теория преступности может иметь весьма ограниченную или достаточно широкую сферу применения. Например, теория, описывающая феноменологию высокотехнологичных преступлений хакеров и фрикеров, достаточно хорошо обоснована, но ограничена сферой high-tech преступности. При этом в области преступности «синих воротничков» она может быть совершенно непригодной. Лучшей считается та теория, которая моделирует наиболее широкий набор деликтов. Если объяснительная модель описывает большое число преступлений с помощью нескольких кратких, но емких положений, то она является более предпочтительной, чем та, которая выдвигает много концептов и суждений, но они «работают» лишь относительно небольшого числа деликтов.

Практическая польза. Ценность криминологической теории может быть оценена ее пользой в совершенствовании и обеспечении формального и неформального социального контроля над преступным поведением. Чем качественнее теория объясняет природу преступности, тем лучше на ее основе можно разработать меры и пути разрешения этой сложной социальной проблемы. Любая программа ограничения преступности, терроризма, коррупции, противодействия наркотизму и трафику наркотиков, а также организации полицейских сил основана как эксплицитно, так и имплицитно на объяснении делинквентного поведения еще лучше в широком смысле девиантного поведения.

Все известные теории преступности выдвигают положения, которые используются в практике правоприменения и социального контроля. Выбор ориентиров в уголовной политике и рекомендации законодателям для внесения изменений в УК, другие

законодательные акты должны быть основаны на эффективной криминологической теории. В таком случае и практика правоприменения будут иметь добротное научное обоснование. В этом и состоит истинная ценность и практическая польза криминологических теорий.

Вопросы для закрепления материала:

1. Дайте определение криминологической теории.
2. Перечислите основные критерии типологизации теорий преступности.
3. Опишите классическую типологию криминологических теорий.
4. Раскройте содержание базовых критериев оценки теорий преступности.

2.Позитивистская парадигма в социологической криминологии

Становление криминологической теории, как известно, связывают с выходом в 1761 году книги Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», в которой излагаются ставшие классическими взгляды на преступность как результат рационального выбора девианта. Беккариа первым дал сокрушительную оценку современной ему итальянской юстиции, особенно тех судей, которые накладывали произвольные и чрезмерные наказания на подсудимых. Цель наказания, по мысли гуманиста, должна состоять не в жестокости мести, а в сдерживании, предупреждении преступного поведения. Он полагал в духе времени, что люди оценивают свои поступки рационально, осознавая боль и похвалу. Согласно Беккариа, сама боязнь неотвратимости наказания заставит людей вести законопослушный образ жизни. При этом он требовал, чтобы мера наказания в большей степени исходила из того вреда, которое преступное деяние причиняет обществу, а не потерпевшему.

Под влиянием идей Просвещения Ч.Беккариа, И.Бентам, Д.Говард, П.Фейербах и другие правоведы-теоретики привнесли в криминологическую теорию и юридическую практику идеи приоритета превенции преступлений над жестокостью репрессии, неотвратимости наказания и его гуманизации. Однако умозрительный, метафизический подход классиков определенно ограничивал эвристический потенциал классической криминологии в объяснении преступного поведения. Тем не менее, принципиальные положения классиков в различных вариациях нашли отраже-

ние и составляют основу современного уголовного законодательства многих стран мира. Так, неоклассицизм в форме концепции сдерживания преступности угрозой и примером уголовного наказания получил развитие в США и других англоязычных странах в 60-70-е годы XX века в рамках направлений социального контроля по моделям «закон и порядок», «защита индивидуальных прав».¹

Позитивистская криминология. Начиная со второй половины XIX и в течение всего XX века, в эпоху модерна активно развивается позитивистская, а затем и неопозитивистская парадигма в криминологии. Исследователи-позитивисты в поисках объективного, надежного знания о преступности в отличие от классической школы опираются на принципы эмпиризма (*наглядность, объективность, доказательность, проверяемость, причинность, ценностная нейтральность, практическая польза*). В качестве фундамента научного знания они считают поверяемый нейтральный опыт, а познавательной ценной формой знания о преступности ее эмпирическое описание.

В эпоху модерна создаются многочисленные позитивистские теории преступности, формируются предпосылки для конкуренции научных школ и направлений в криминологии.

На основе биологического позитивизма и индивидуализма со второй половины XIX века до 60-х годов XX усилиями итальянской, британской и американской антропологических школ (Ч.Ломброзо, Р.Гарофало, Э.Ферри, Ч.Горинг, Э.Хутен, Э.Кречмер, У.Шелдон, Ш.Глюк, Э.Глюк, Й.Ланге, Ф.Штумпфль, У.Шелдон, П.Джейкобс и другие) формируется *антропологическое направление в криминологии*. В этот период проводится множество статистических наблюдений, совершенствуется инструментарий эмпирических исследований преступного поведения.

¹Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С.26.

Современные биокриминологические, социобиологические теории, генетические объяснения преступного поведения далеко превосходят ранние антропобиологические теории преступности. Это работы существенно большей теоретической сложности и методологической чистоты. Акцент в биокриминологических исследованиях преступного поведения все больше смещается в сторону обстоятельного изучения генов, мозга, центральной и автономной нервных систем, гормонального баланса, метаболизма, физиологических и биологических процессов в организме человека.

Более поздние, созданные на рубеже ХХІ века, биокриминологические теории (теория делинквентности С.Медника, теория возбуждения Л.Эллиса, гармональная теория Д.Ольвеуса, теория «дефектного гена», нейропсихологическая модель мужской делинквентности Т.Моффитт, социобиология Э.Уилсона и другие) еще больше внимания уделяют оценке роли генетических факторов, нейрохимических, неврологических, гормональных и других процессов в мозге человека, а также взаимодействию этих факторов–условий с внешними социально–средовыми и индивидуальными переменными.¹ Они указывают на относительный и более сложный, нелинейный характер генетических и иных биологических детерминант делинквентности.

Вокруг новых биосоциальных и генетических теорий делинквентности все еще много споров относительно их эмпирической обоснованности, использования выборочных совокупностей и статистических процедур. К настоящему времени биологические объяснения преступности все еще имеют недостаточную эмпирическую поддержку. В основном теории генетиков дают описание факторов мужской агрессивности и насильственного поведения. При этом преступления «белых воротничков», киберпреступления не находят объяснения в рамках генетических теорий. Большинство современных биокриминологов утверждают, что они взяли

¹Более подробно см.: Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. –2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд.дом «Алеф-пресс»,2014.

курс на изучение криминального поведения в комплексе как результата взаимодействия биологических начал человека с индивидуальными факторами и социальной средой его окружения.

Основной постулат биокриминологии XXI века гласит, что преступное поведение может быть вызвано генетическими и другими биологическими факторами, но их потенциальные возможности имеют различную вероятность фактической реализации в зависимости от социальной среды. Тем самым биологические детерминанты преступного поведения не рассматриваются в современной науке о преступности как константы. Наследственные признаки лишь определяют путь, ориентацию, по которым индивид девиантно отвечает на факторы социальной среды. Словом, биология человека – это первая ступень в причинном анализе преступного поведения, который невозможен без учета влияния психологических и социологических переменных.

Психологию криминального поведения в рамках биологического позитивизма развивают теоретические работы: Х.Клекли, З.Фрейда, К.Лоренса, Э.Эриксона, Э.Фромма, Д.Долларда, Р.Волтерса, С.Хэллека, Дж.Уотсона, А.Бандуры, Г.Айзенка и других. Ранние психиатрические подходы (психопатическая теория Х.Клекли) концентрируются на том, что психопат не чувствует вину или позор, не может учиться на опыте, эгоистичен, импульсивен, несдержан и, если его подвергнуть нервному расстройству, то он становится агрессивным, совершает преступление, поскольку не в состоянии контролировать свои побуждения и поступки.

Фрейдистские объяснения преступного поведения, как известно, сосредоточены на проблемах психосексуального формирования личности, начиная с раннего детства. Как в юности, так и зрелом возрасте неврозы, психозы, агрессия и криминальное поведение проистекают, по существу, от одних и тех же иррациональных импульсов. Подавляемая вина, чувства безнадежности или беспомощности, конфликт продолжают быть

«истинными» психологическими причинами криминальных деликтов. Преступное поведение интерпретируется психоаналитиками как результат кризиса идентичности (Э.Эриксон) или злокачественной агрессии, возникшей по теории деструктивности Э.Фромма при взаимодействии социальных условий и экзистенциальных потребностей человека.

В целом теоретики психологии криминального поведения концентрируются на изучении проблем в психике человека (агрессия, комплексы неполноценности, сбой психосексуального развития, фрустрация, психотравмы, нейропсихологические дисфункции), на эффектах подражания и социального научения. С помощью психологических теорий удастся во многом понять поведение социопатов, маньяков, серийных сексуальных насильников и убийц, антисоциальных личностей. Большинство отечественных и зарубежных исследователей признают, что психологические особенности личности и мотивы ее поступков оказывают существенное влияние на преступность и другие проявления негативной девиантности. Тем не менее, нельзя исчерпывающе объяснить сущность преступного поведения только с помощью психологических теорий.

Психологические знания находят широкое применение в теории профессионального преступного типа и преступного подражания Г.Тарда, в теории нейтрализации Г.Сайкса и Д.Матзы, а бихевиоризм и теория социального научения А.Бандуры значительное влияние оказывают на работы Э.Сатерленда (теория дифференциальной ассоциации) и Р.Айкенса (теория социального научения).

Социологический позитивизм в криминологии бурно развивается после выхода в свет фундаментальных работ О.Конта, А.Кетле, К.Маркса, Г.Спенсера. Вторая половина XIX века знаменательна появлением ранних социоцентрических теорий криминального поведения позитивистов А.Кетле, В.Бонгера, Г.Тарда и Э.Дюркгейма. Так, Адольф Кетле, опираясь на социологиче-

ский позитивизм и статистический метод, доказывает, что преступность – объективное и закономерное социальное явление. Карл Маркс, оперируя открытиями Кетле, а затем Ф.Энгельс и В.Бонгер рассматривают преступность с идеологических позиций как объективное и закономерное социальное явление — форму социального протеста угнетенных масс, которое имеет классовый, исторически преходящий характер.

Выдающийся вклад в развитие криминологической науки вносит Эмиль Дюркгейм – создатель *теории аномии*. Занимаясь поиском интегрирующих начал социальной жизни, Дюркгейм приходит к объективистскому пониманию общества как социальной системы *sui generis*, состоящей из социальных фактов, продуктом которой выступает отдельный человек с его как нормативным, так и криминальным поведением.

Под аномией Дюркгейм понимает такое состояние социума, при котором отсутствует четкая непротиворечивая регуляция поведения индивидов и образуется нормативный вакуум, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились.¹ По мысли Дюркгейма, аномия – результат стремительных социальных изменений. В аномийном обществе наблюдается нарушение «коллективного порядка», происходит всплеск преступности, суицидов и других проявлений девиантности. Дюркгейм доказывает, что уровень преступлений значительно ниже в обществах, где наблюдается социальная солидарность и сплоченность.

Функционалист Э.Дюркгейм, развивая взгляды А.Кетле и А.Герри позитивистски обосновывает парадоксальный, на первый взгляд, тезис о том, что преступность функциональна, что это – нормальная особенность общественной жизни: «нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми

¹Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с франц. М.:Мысль,1994. С.16.

признаками нормального явления».¹ Дюркгейм «нормализует» преступность, рассматривая ее как объективное, функциональное, закономерное, нормальное социальное явление.

Ценность теоретического наследия Э.Дюркгейма состоит в том, что оно позволило криминологам осознать утопичность представлений о полном искоренении преступности и других проявлений девиантности. Его последователи в уголовно-правовой и криминологической науке, в практике правоприменения ставят реалистичные задачи по изучению и осуществлению эффективного социального контроля над преступностью, развитию его форм, совершенствованию уголовного законодательства с несомненным приоритетом мер социально-правовой превенции над репрессией.

В XX веке криминологи-позитивисты трактуют преступность в объективистской традиции Дюркгейма, занимаясь поиском ее социальных, экономических, культурных, антропологических, психологических детерминант. Дюркгеймовское понимание преступности фактически предопределило модель социального контроля в Западном мире, нацеленного не на борьбу, а на противодействие преступности (социальный контроль) с целью снижения ее масштабов и угроз до социально приемлемого уровня.

Позитивизм и договорная теория, в соответствии с которой закон выражает общественный консенсус относительно базовых ценностей общества определяют развитие криминологии как науки в ходе всего XX века – эпохи модерн. Основы теории договора были разработаны с начала двадцатого столетия Э.Дюркгеймом, У.Самнером, Э.Россом, М.Вебером. Договорную, или консенсусную, модель закона в США детализировали социологи права Р.Михаловски и Р.Паунд.²

¹Дюркгейм Э. Норма и патология // Рубеж: Альманах социальных исследований.1992. №2. С.82.

²Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey,1999. P.362-363.

В советской стране, где культивировалось «единственно верное учение» сложилось классовое понимание преступности, которое опиралось на догматизированный марксизм. Отсюда борьба с преступностью как «родимым пятном капитализма» предполагала ее окончательное искоренение по мере построения эгалитарного общества. Идеологизированные трактовки преступности как формы социального протеста угнетенных масс, которая имеет классовый, исторически преходящий характер, сыграли роковую роль в организации и оценке работы отечественной правоохранительной системы. Поскольку искоренить преступность не удавалось, то на практике происходила статистическая симуляция успехов в борьбе с преступностью (искусственный рост раскрываемости, снижение уровня преступности), что породило пресловутую «палочную систему», полностью отказаться от рецидивов которой не удастся и в современной России.

Большую часть XX века в рамках позитивистской науки на основе объективного знания, верифицированного опытом, зарубежные и отечественные криминологи были заняты поиском и объяснением причин преступности, разработкой предложений по совершенствованию уголовного законодательства, правоохранительной и пенитенциарной системы.

Позитивистская парадигма в криминологии получила наибольшее развитие в США в работах криминологов Первой Чикагской школы (Р.Парк, Э.Берджесс, У.Томас, Ф.Знанецкий, К.Шоу, Г.Маккей и другие). В 20—30-е годы прошлого века криминологи-позитивисты изучали различные социальные проблемы американских городов (дезорганизацию, географию и экологию в контексте распределения преступности, проституцию, бродяжничество, маргинализацию). Как исследователи они применяли широкий круг эмпирических методов: статистический, картографический, формализованные опросы, неформализованные этнографические интервью, контент-анализ архивных материалов полиции и биографий переселенцев, прямое наблюдение.

Криминологи Чикаго сумели преодолеть описательность и статистическую ориентацию своих европейских предшественников в методологии социального анализа преступности и девиантности. В результате были созданы новые криминологические теории - *концепции социальной дезорганизации и городской экологии*. Теоретики Первой Чикагской школы рассматривали город как живой социальный организм. Они концептуализировали понятие «социальная дезорганизация» как уменьшение влияния существующих социальных правил поведения на индивидуальных членов группы. Криминологи доказали, что в условиях социальной дезорганизации культурные ценности, нормы и социальные связи разрушаются, становятся противоречивыми, что ведет к ослаблению неформального социального контроля на уровне общины. Это и является важнейшей причиной преступности и девиантности в урбанизированной среде, заселенной мигрантами.

Эмпирически обоснованные теоретические результаты получили широкое признание научной общественности и дали старт первым программам борьбы с преступностью («Чикагский проект»), преодоления бедности и безработицы. В последующем основные положения теории социальной дезорганизации были творчески использованы криминологами-позитивистами Ф.Трэшером, У.Уайтом, Л.Яблонским, Д.Шортом при изучении преступных групп (шак) несовершеннолетних, рост которых постоянно происходил уже во второй половине XX века в городских кварталах американских мегаполисов.

В конце 30-х годов Эдвин Сатерленд создал позитивистскую *теорию дифференциальной ассоциации (связи)*, которая стала одной из первых и весьма удачных попыток сочетания психологических и социологических принципов в объяснении преступного поведения. Смысл дифференциальной ассоциации криминолог концептуализировал в следующих положениях:

1. Преступному поведению обучаются.
2. Преступному поведению обучаются во взаимодействии с

другими людьми в процессе коммуникации.

3. Основная часть обучения преступному поведению происходит внутри тесно связанных между собой социальных групп.

4. В процессе обучения преступному поведению осваиваются: техника совершения преступлений (иногда очень сложная, иногда простая), специфические мотивы преступного поведения, потребности, установки, отношения.

5. Специфические мотивы и потребности совершения преступления осваиваются в ходе обучения, исходя из определения норм уголовного законодательства как «благоприятных» или «неблагоприятных».

6. Индивид становится делинквентным из-за преобладания определений, благоприятных с точки зрения нарушения закона, над неблагоприятными определениями.

7. Дифференциальные ассоциации могут изменяться по частоте, продолжительности, очередности и интенсивности.

8. Процесс обучения преступному поведению по ассоциации с криминальными и антикриминальными паттернами включает в себя все механизмы, которые используются в любом другом виде научения.

9. Преступное поведение – это выражение основных потребностей и ценностей, однако оно этим не объясняется, поскольку некриминальное поведение – это выражение тех же основных потребностей и ценностей.¹

Как видим, основная идея теории Сатерленда состоит в том, что люди обучаются преступности и девиантности. Мотивы и ценности преступного мира воспринимаются в ходе индивидуального общения, коммуникации с преступниками. При этом отношение к закону, частота и продолжительность контактов с представителями криминальных групп, проститутками, торговцами наркотиков оказывают решающее влияние на интенсив-

¹Akers R. Criminological theories: introduction and evolution. 2nd. ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.60-61.

ность освоения норм отклоняющегося поведения.

Ученик Сатерленда Д.Крэсси, затем Д.Глейзер и Р.Айкерс развили и дополнили теоретические положения теории дифференциальной связи, сформировав социологическую теорию научения преступности.¹

Механизмы научения преступному поведению были уточнены Э.Берджессом и Р.Акерсом в 1966 году и представлены в виде закона «усиления дифференциальной ассоциации» преступного поведения, суть которого в том, что индивид выберет путь преступлений, а не законопослушание в случае, если он получит при криминальном выборе большее вознаграждение.

Наиболее интенсивное развитие позитивистской криминологии происходит в рамках структурно-функционального подхода. В середине прошлого века Робертом Мертоном создается *социоструктурная теории аномии/напряжения*, которую затем Альберт Коэн развивает в 1955 году.

Р.Мертон под влиянием взглядов Э.Дюркгейма пришел к убеждению, что некоторые социальные структуры способствуют преступности и девиантности отдельных членов общества. Подобно Дюркгейму, в нарушении «социального кодекса» он увидел «нормальную реакцию нормальных людей на ненормальные условия».² Дюркгейм связывал аномию с разрушением или ослаблением нормативной регуляции индивидуального поведения в условиях быстрых социальных изменений. Мертон определил аномию иначе применительно к условиям стабильного индустриального общества – как рассогласование, разрыв между социокультурными целями личности (группы), одобряемыми в обществе (материальный успех, престиж), и возможностями их достижения законными, институализированными средствами.

Аномия в индустриальном мире – результат «особого струк-

¹См.подробнее: Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс»,2014.С.107-116.

²Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М.,1966. С.299.

турного разлада культуры», постоянный фактор напряжения в социальной системе, в нормах и ценностях которой сделан сильный акцент на достижении целей материального успеха. Достижения богатства имеет при капитализме в высшей степени символическое значение, поскольку «система культурных ценностей превозносит, фактически превышает всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом».¹ Однако социальная структура индустриального общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к социально одобряемым законным средствам достижения материального успеха для большей части людей из низшего класса. Эта ситуация воспроизводит постоянное напряжение в обществе, поскольку фрустрированные индивиды не в состоянии получить желаемое законным путем.

Анализируя способы преодоления аномической фрустрации, Мертон предложил свою типологию из 5 типов адаптивного поведения личности (конформизм, инноваторство, ритуализм, ретретизм и ребелизм (бунтарство)). В таблице 1 показана приемлемость или недопустимость определяемых культурой целей и институализированных средств их достижения. Знак (+) означает принятие, (–) – отказ, (+–) – отступление или отказ с заменой старых целей и средств на их новые стандарты.

Таблица 1

	Определяемые культурой цели	Институализированные средства
I. Конформизм	+	+
II. Инноваторств	+	–
III. Ритуализм	–	+
IV. Ретретизм	–	–
V. Ребелизм (Бунтарство)	+ –	+ –

¹Мертон Р. Социальная структура и аномия // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1992. №2. С.98.

Конформизм – наиболее распространенный и обычный тип ролевой адаптации личности. Он характерен принятием социально одобряемых целей и социально доступных, институализированных средств их достижения. К девиантным, часто криминальным, то есть неадекватным по целям или способам приспособления личности к требованиям общества, относятся четыре типа статусно-ролевой адаптации: инноваторство, ритуализм, ретретизм и ребелизм (бунтарство).

Инноваторство состоит в принятии социально одобряемых целей с отказом от институализированных способов их достижения и внедрении новых приемов незаконного приспособления, в том числе криминальных: краж, разбоев, рэкета, беловоротничковой преступности. Преступление рассматривается утилитарно как способ достижения богатства.

Ритуализм проявляется в том, что социально одобряемые цели подменяются или игнорируются как находящиеся за пределами достижимого, однако подчинение нравам, ритуалам продолжает поддерживаться с использованием институализированных средств. Ритуалы в этом случае выступают основой ролевой адаптации. Примером ритуализма является поведение махрового казнокрада, который ритуально выглядит безупречно, но уже давно перепутал «государственный карман» со своим собственным.

Ретретизм состоит в пораженчестве, самоустранении, квиентизме, бегстве от действительности. Ретретист, хотя номинально и находится в обществе, но, строго говоря, не принадлежит ему, так как не приемлет ни социально одобряемых целей, ни институализированных средств их достижения. Он уходит от борьбы за достижение социально одобряемого положения и материального успеха. К ретретистам относятся: хронические алкоголики и наркоманы, бродяги и бомжи, сектанты.

Ребелизм имеет место в случаях, когда происходит отступление или отказ от принятых целей и средств их достижения од-

новременно с попытками создать новые идеалы, цели и средства их реализации. Освобождение от общепринятых стандартов, как правило, является результатом неудачи или ограниченности перспектив, что подвигает бунтарей к попыткам ввести «новый социальный порядок». К этой категории Мертон относит мятежников и революционеров всех мастей.

Таким образом, Р.Мертону принадлежит честь не только создания оригинальной теории аномии, но и существенного развития криминологической теории с позиций функционализма и социоструктурного подхода.

А.Коэн модифицировал социоструктурную теорию аномии/напряжения Р.Мертон с использованием субкультурного подхода и создал криминологическую *теорию фрустрации статуса*. В теории Коэна основная цель успеха состоит не столько в деньгах, сколько в достижении статуса представителя среднего класса, с соответствующими атрибутами, такими, как: финансовое благополучие, репутация, стиль жизни. А.Коэн уточняет, что общество рекламирует стратегию повышения социального статуса, затрудняя процесс его достижения выходцам из беднейших слоев.

Статус считается достигнутым, если выполняются определенные стандарты в культуре потребления (одежда, услуги и т.п.), в поведении (участие в школьных мероприятиях), во взглядах (внимание к старшим, интерес к учебе, благовоспитанность). Юные представители среднего класса получают соответствующее воспитание и поддержку родителей, школы и отвечают соответствующим стандартам, получая одобрение и статус. Парни из низшего класса не всегда усваивают культурные образцы благополучной среды. У них нет коммуникативных и социальных навыков, чтобы отвечать критериям и ценностям культуры среднего класса. В результате отсутствия перспективы законными средствами достичь желаемого статуса подростки из низшего класса подвергаются депривации. В поисках престижного социального положения, социального идеала неимущая, депривированная молодежь, испытывая

унижение, вынуждена совершать деликты и иные девиантные поступки. Следовательно, делинквентность, по Коэну, – результат фрустрации статуса, а причина напряжения состоит в неспособности реализовать свои возможности и получить желанный в американском обществе статус представителя среднего класса.

В середине прошлого века в рамках социоструктурного подхода были созданы криминологические теории конфликта культур, теории субкультуры (Т.Селлин, У.Миллер, Ф.Ферракути, М.Вольфганг и др.).¹

Торстен Селин в рамках *теории конфликта культур* обратил внимание на то, что конфликты между нормами «культурных кодексов» возникают в случае, если эти кодексы сталкиваются на границе соприкосновения культур, когда мигрируют члены определенной культурной группы.²

Действительно, ценностные ориентации большинства мигрантов существенно отличаются от тех, которые поддерживает культура «большого общества», что неизбежно приводит к первичным конфликтам на почве несоответствия норм поведения и других культурных императивов. Конфликты норм поведения продуцируют различные проявления преступности и насилия. Селлин приводит пример дикого по американским меркам преступления в Нью Джерси. Мигрант – отец итальянского семейства убивает семнадцатилетнего американца, соблазнителя своей дочери, чтобы восстановить и сохранить «честь семьи» в соответствии с традиционными сицилийскими представлениями. Когда происходит задержание, сицилиец выражает неподдельное удивление по поводу своего ареста офицеру полиции, поскольку, как он считает, его действия полностью соответствовали традиционной для него культурной норме.³

¹См.подробнее: Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С.116-123.

²Sellin T. The conflict of conduct norm // Kelly D. Deviant Behavior: a text-reader in the sociological of deviance. 5th ed. Los Angeles, 1996. P.72.

³Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jer-

Вторичные конфликты, по Селину, возникают тогда, когда сталкиваются малые культуры или субкультуры внутри одной доминирующей или первичной культуры. Нормы уголовного закона в западном мире соответствуют ценностям культуры среднего класса. Однако они входят в конфликт с культурными нормами обитателей переходных зон и гетто внутри городов или представителей низшего класса, что и порождает преступность. Теория Т.Селлина достаточно полно описывает всплеск преступности мигрантов в современной Европе, где рушатся идеалы мультикультурализма под натиском нелегальных переселенцев-мусульман из беднейших стран Азии и Африки.

Франко Ферракути и Марвин Вольфганг в рамках *концепции субкультуры насилия* обратили внимание на то, что некоторые молодежные субкультуры имеют явно насильственный характер, поскольку построены вокруг ценностей, способствующих агрессивному и насильственному поведению. Основное положение теории Ферракути и Вольфганга состоит в том, что насильственное поведение является формой адаптации к определенным проблемам и жизненным обстоятельствам, которая осваивается по мере научения в рамках субкультурной среды, подчеркивающей преимущества насилия над другими формами поведенческого приспособления.¹

В субкультурах насилия символическими средствами (с помощью песен, ритуалов, историй) прославляется принуждение, владение оружием, поведение по модели «мачо». Эти субкультурные нормы поддерживают быстрый и решительный силовой ответ носителя идентичности «мачо» на оскорбление, с тем, чтобы он мог сохранить свой престиж внутри группы. Субкультура насилия рассматривает противоборство как основное средство в урегулировании отношений между членами группы. Для носителей этой субкультуры насилие и агрессия – атрибуты образа жиз-

sey, 1999. P.281.

¹Ibidem. P.285.

ни. Теория Ферракути и Вольфганга превосходно объясняет феномены преступности и насилия в среде значительной части современных афроамериканцев из низшего класса, а также маргинальной молодежи российских мегаполисов.

Культурологический дискурс, теории конфликта культур, субкультуры оказали существенное влияние на развитие криминологической мысли, в частности, теории аномии/напряжения. Наиболее заметно логика субкультурного подхода выражена в теории фрустрации статуса А.Козна, в теории дифференциальных возможностей Р.Клоуорда и Л.Олина, да так, что некоторые исследователи относят их не столько к аномическим, сколько субкультурным теориям преступности (Р.Агнью).

Ретроспективный анализ развития социоструктурных теорий преступности показывает, что позитивистская научная мысль развивалась в эпоху модерна в направлении поликонцептуальности и методологического плюрализма с постоянным состязанием различных теоретических направлений и перспектив изучения и описания феномена преступности. Анализ причинности в объяснении деликтов – важнейшая заслуга криминологов-позитивистов, создателей социоструктурных теорий. Однофакторный подход позволял выделить причины и условия преступности в рамках одного класса, например, в случае абсолютизации антропо-биологических данных человека или его социально-классовой принадлежности. Многофакторный подход сложился позднее как реакция на ограниченность однофакторных моделей. В его рамках отклонения в поведении не могут быть обусловлены одним, хотя и очень важным комплексом причин, а зависят от ряда разнородных и потому теоретически несвязных факторов.

Таким образом, позитивистская криминология в XX веке развивается от однофакторных к многофакторным казуальным моделям криминального поведения. В результате позитивисты разработали оценочные критерии теорий: эмпирическая обоснованность, логическая последовательность и непротиворечивость,

доказуемость, область применения, практическая польза. В эпоху модерна сложились и основные классификации теорий преступности. Тем не менее, большинство социоструктурных теорий преступности, создание которых выпадает на эпоху модерн, являются моно теориями. Они ориентированы на определенную парадигму и класс криминальных проявлений, хотя и оперируют рядом факторов детерминации.

Вопросы для закрепления материала:

1. Сформулируйте основные положения классической школы в криминологии.
2. Перечислите принципы эмпиризма, лежащие в основе позитивистской парадигмы в криминологии.
3. Охарактеризуйте антропо-биологическое направление в криминологии.
4. Сформулируйте основной постулат биокриминологии XXI века.
5. Охарактеризуйте психологические теории преступности, корреляцию психологических и биологических знаний с социоструктурными переменными в современной криминологической теории.
6. Сформулируйте и сравните толкование преступности в понимании А.Кетле и К.Маркса.
7. Покажите, как Э.Дюркгейм определяет и «нормализует» преступность.

- 8.Сформулируйте понятие аномии по Э.Дюркгейму и раскройте значение его теоретического наследия.
- 9.Какова роль идеологизированной трактовки преступности в организации и оценке работы отечественной правоохранительной системы советского периода.
- 10.Опишите методологическую специфику, теоретические и практические достижения Первой Чикагской школы.
- 11.Раскройте основные понятия и объяснительные возможности теории социальной дезорганизации.
- 12.Сформулируйте положения теории дифференциальной ассоциации Э.Сатерленда.
- 13.Раскройте понятие аномии по Р.Мертону и значение социоструктурной теории аномии/напряжения.
- 14.Опишите способы криминальной адаптации по Р.Мертону.
- 15.Раскройте основные положения и значение криминологической теории фрустрации статуса.
- 16.Проиллюстрируйте примером основные положения теории конфликта культур Т.Селлина.
- 17.Сформулируйте основные положения концепции субкультуры насилия Ф.Ферракути и М.Вольфганга.

3. От интеракционизма, стигматизации к феноменологии и конструктивизму в теориях преступности

На развитие теоретической криминологии в эпоху модерна существенное влияние оказали криминологи-интеракционисты – создатели процессуальных теорий преступности, по типологии Р.Айкерса.

Символический интеракционизм (Дж.Мид, Г.Блумер), как известно, основывается на интерпретациях человеческого поведения по значимым символам, несущим важную социальную информацию. В основе методологии символического интеракционизма лежит позитивистский тезис о единстве научного метода, применяемого единообразно как в естественных, так и социальных науках. Вместе с тем, интеракционисты отказываются от операциональных концептов позитивистов в пользу не столь четко определенных, но более содержательных неформализованных понятий. В целом они ориентируются на так называемую мягкую исследовательскую технику (изучение личных документов, кейс-стади, включенное наблюдение), которые предполагают необходимость понимания, постижения субъективных состояний и смыслов криминального поведения на уровне индивида.

В итоге представители криминологического интеракционизма ищут компромиссы в методологии, пытаюсь совместить строгую научность со спецификой гуманистического видения преступности и других социальных проблем.

Интеракционистская перспектива анализа преступности получает развитие в XX веке в работах Ф.Танненбаума, затем Э.Лемерта, Г.Беккера, Э.Шура Ф.Зака, Дж.Брайтуайта. В ее рам-

ках создаются различные варианты теории стигматизации («драматизация зла», теории лейблов, наклеивания ярлыков и реинтегративного стыда).

Теория стигмы концептуализируется в двух основных положениях: во-первых, криминальное поведение следует интерпретировать не как нарушение правовой нормы, признак предрасположенности индивида или качество социального действия, а как результат его символического определения, наклеивания девиантного ярлыка в результате социальной реакции; во-вторых, «клеймение» при определенных условиях, если не прямо, то косвенно порождает и усиливает вторичную преступность. В этом смысле криминальное поведение есть ответ индивида на стигматизацию посредством чрезмерного социального контроля, в ходе которого формируются девиантная идентичность и криминальная карьера.

Фрэнк Танненбаум был одним из первых, кто попытался применить идеи символического интеракционизма к объяснению преступности в работе «Преступление и сообщество»(1938).

Танненбаум считал, что преступление является, по существу, результатом столкновения «двух противоположных определений ситуации со стороны правонарушителя и общества в целом». Такой конфликт определений возникает из-за расхождения в ценностях. За ним следует постепенный переход от определения конкретных действий как зла к определению человека как источника зла.¹ Как известно, отрицательные оценки со стороны значимых «других» (родителей, товарищей, учителей, сотрудников правоохранительных органов) обычно являются сдерживающим фактором для подростка, совершившего отклоняющийся поступок. Однако Танненбаум, изучая вовлечение несовершеннолетних в преступные группы, заметил, что чрезмерное определение окружающими ситуации проступка как злостного нарушения,

¹ Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P.322.

или «драматизация зла», может инициировать его девиантную социализацию и делинквентную карьеру. Тем более, что сами дети, совершая те или иные отклонения в поведении, придают им совершенно иное значение.

Например, если подросток дерзко срывает цветы в палисаднике у соседки и дарит их симпатичной девчонке, то это событие может рассматриваться молодыми людьми как весьма романтический поступок. Для потерпевшей же этот акт является злонамеренной кражей. Окружающие (потерпевшая, полицейские, соседское сообщество), осуществляя «драматизацию зла», стигматизируют подростка и подталкивают его к девиантному самоопределению. «Определение действий как «зла», – считал Танненбаум – постепенно переходит в определение индивида, совершающего подобные действия... С точки зрения общества, человек, который привык делать плохо, ... определяется обществом как «плохой» и сам не верит, что он может быть хорошим... Процесс создания преступника, следовательно, это процесс клеймения, определения, сегрегации, описания, усиления, осознания и самосознания...».¹ Человек становится таким, каким его определяют окружающие. При этом для формирования противоправного поведения особое значение имеет первичная «драматизация зла».

Таким образом, по мнению Таннебаума, «многие общественно опасные деяния совершаются подростками как шалость, а воспринимаются окружающими как проявление злой воли и оцениваются как преступления».² Для того, чтобы разорвать порочный круг стигматизации, следует не допустить излишнюю «драматизацию зла». Словом, чем меньше будет сказано о событии как преступлении, тем лучше.

Эдвин М.Лемерт в работе «Социальная патология», вышедшей в 1951 году, развивая идеи Танненбаума, создает соци-

¹Tannenbaum F. Crime and community. N.Y.,1938.P.17-19.

²Tannenbaum F. The dramatization of Evil // Perseption in criminology. L.,1975.P.351.

ально—психологическую модель стигматизации, вводя понятия «первичного» и «вторичного отклонения». Он утверждает, что наклеивание ярлыков не только порождает, но и усиливает криминальное поведение, которое рассматривается как социопатическое. При этом перспектива навешивания социопатического ярлыка возможна не только относительно противоправного поведения, но и относительно умственных заболеваний, проституции, гомосексуализма и даже заикания.

Если люди впервые нарушают социальную норму случайно или по каким-то иным причинам, то эти проступки получают название *первичных отклонений*. «Когда индивид, — утверждает Лемерт, — начинает использовать свое девиантное поведение или свою роль, основанную на девиантном поведении, в качестве средства защиты, наступления или приспособления к своим явным и скрытым проблемам, порожденным последовавшей социальной реакцией, его отклонение является *вторичным*».¹ Таким образом, вторичные отклонения — результат того, что индивид однажды уже был помечен ярлыком девианта, и являются его реакцией на клеймение.

Первичные отклонения, как указывал Лемерт, могут быть сделаны для решения ряда неотложных проблем или для удовлетворения ожиданий своих субкультурных групп. Так, участие студента в краже сотового телефона может быть вызвано нуждой, необходимостью заплатить за обучение. Оно может стать первым и последним его преступлением. Однако, если студента уличат в краже и за этим последуют арест, судебное решение с соответствующим определением, то он будет «помечен» ярлыком вора и вторичное отклонение может произойти уже как реакция на клеймение (девиантная самооценка) с целью адаптации к девиантному статусу.

Таким образом, навешивание ярлыка при определенных обстоятельствах и для определенных людей может усилить вероят-

¹Контексты современности: хрестоматия / пер. с англ. Казань: Абак, 1998. С.59.

ность вторичной девиации и привести к окончательному приятию девиантного статуса. В этом процессе индивид подвергается со стороны социальной реакции оскорблениям, осмеянию, унижению, привлечению к ответственности. Такой человек приобретает в итоге морально низкий статус, определенные познания и навыки, соответствующее мировоззрение, а также самосознание девианта. Внешние свидетельства этих изменений можно найти в символической принадлежности к новой роли: в одежде, речи, осанке, манерах. Э.Лемерт и многие его сторонники считали, что молодые правонарушители оцениваются судами значительно строже, если они удовлетворяют стереотипному образу представителя низшего класса, предрасположенного к нарушению закона.

Исследователи процесса навешивания ярлыка акцентируют внимание не на причинах совершения первичного отклонения или нарушения правил, а на группах и институтах, которые стигматизируют поведение индивидов. Деятельность подобных социальных групп и институтов формального социального контроля (политики, законодатели, суды, тюрьмы, изоляторы и спецбольницы для душевнобольных) состоит в том, что они изолируют девиантов от остальных членов общества.

Идеи американских социологов, заложивших теоретические основы интеракционистской перспективы в криминологии и стигматизации, получили широкое распространение в Западной Европе. Ряд немецких криминологов в 70-е годы (Ш.Квенцель, Д.Петерс, Ф.Штальберг, Ф.Зак) активно разрабатывали и пропагандировали теорию лейблов.

Наибольшая заслуга в развитии интеракционистского подхода и исследовании проблем стигматизации в среде европейской научной общественности, принадлежит немецкому криминологу Фрицу Заку. Однако Ф.Заку, в отличие от американских криминологов-интеракционистов, характерен более радикальный подход к пониманию роли формальных социальных институтов в процессах клеймения. Зак, создавая свою социоструктурную мо-

дель стигматизации, испытывает на себе определенное влияние радикальных идей в теоретической криминологии. Он опирается не только на разработки американской школы, но и на европейскую концепцию «классовой юстиции», в рамках которой процессы восприятия действий и принятия решений полицейскими, судьями и чиновниками «программируются селективно». С точки зрения Зака, социальные институты правопорядка в капиталистическом обществе стимулируют и укрепляют девиантность; полиция специально выискивает представителей низших слоев, чтобы в «интересах правящего меньшинства» предписывать им роли преступных элементов.

Следовательно, Ф.Зак исходит из того, что преступное поведение и иные девиации возникают в результате «процесса предписания», осуществляемого институтами социального контроля в классовых социальных системах. Причем стигматизации подвергаются, прежде всего, низшие слои капиталистического общества. Это приводит к появлению устойчивой корреляционной связи между принадлежностью к той или иной социальной страте и регистрируемой преступностью. Проблематика селективного применения уголовно-правовых санкций, поставленная Заком, актуальна не только в мире постиндустриального капитализма, но и в развивающихся странах XXI века.

Самые заметные усилия в последующих попытках пересмотреть и развить теорию стигматизации в более широком социоструктурном контексте принадлежат современному австралийскому криминологу Джону Брайтуайту – создателю *теории реинтегративного стыда* в работе «Преступление, стыд и реинтеграция»(1989).¹

Стыд определен Брайтуайтом как социальное осуждение, которое имеет «цель вызывать угрызения совести в человеке, ко-

¹В 1997 году Дж. Брайтуайт вместе с коллегами из Австралийского национального университета провел дополнительные исследования по проблематике реинтегративного стыда и его влияния на снижение делинквентности.

торого пристыдили или осудили».¹ Брайтуайт использует термин «стигматизация» для описания дезинтегративной роли «стигматизированного стыда», который разрушает моральную связь между «пристыженным девиантом» и сообществом. Примером «стигматизированного стыда» является решение американских судей об установке специального стикера на недвижимость девианта с кричащей надписью «здесь живет преступник». Согласно этому типу стыда от индивида ожидаются новые преступления.

В теории Брайтуайта ключевым является понятие «реинтегративный стыд», которое исходит из посыла «осудить преступление, а не преступника» и предполагает процедуру или церемонию прощения, с помощью которой девиант возвращается, восстанавливается в обществе законопослушных граждан. Чтобы заработать право на то, чтобы порвать с преступным прошлым и начать «жизнь с нуля», преступники должны выразить искреннее раскаяние в своем прошлом поведении, принести извинения жертвам и восстановить ущерб, нанесенный преступлением. Следовательно, процедура «реинтегративного стыда» ориентирует на низкий уровень, в то время как «стигматизированный стыд» – на высокий уровень преступности, хотя и косвенным путем.

Модель Брайтуайта выстроена вокруг этих двух форм клеймения, их связи друг с другом. Другими словами, меры социального контроля должны оцениваться с точки зрения того, дают ли они преступникам какие-либо шансы изменить делинквентную карьеру и поддержать их соответствие законопослушанию. Кроме того, Брайтуайт выделяет и подчеркивает криминальные особенности и социально–бытовые условия, которые поощряют или препятствуют реализации «реинтегративного стыда». Он также выделяет тот факт, что люди в разной мере связаны с сообществом и, соответственно, по-разному реагируют на процедуру «реинтегративного стыда».

¹Akers R.L. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997.P.108.

На фоне развития и распространения интеракционистского подхода в криминологии после Второй мировой войны в Чикагском университете произошла смена поколений ученых и в конце 1950-х – 1970-х годов И.Гофман, Э.Фредсон под влиянием идей интеракциониста Г.Блумера продолжили изучение преступности в рамках процессуального подхода. В итоге стала формироваться Вторая Чикагская школа в криминологии, но уже не столько в методологических рамках позитивизма, сколько с использованием framework сначала символического интеракционизма, а затем и феноменологии.

Ирвин Гофман в работе «Представление себя другим в повседневной жизни»(1959) разработал положения *драматургической теории преступности*. Он писал, что поведение людей, в том числе отнесенное к норме или девиантности, преступности можно объяснить формами организации повседневного опыта и общения. В рамках драматургического подхода социальный мир воспринимается как драма не в смысле метафоры, а как теоретическая позиция. Гофман, будучи последовательным интеракционистом, социальное взаимодействие трактовал как процесс задаваемый образом театральной постановки с заранее заданными функциональными позициями, которые в ходе его реализации постоянно подвергаются переинтерпретации. Криминолог полагал, что поведение в ролевом измерении более или менее эффективно, если оно состоит из управляемых впечатлений, а носители ролей посредством вербальных и невербальных коммуникаций определяют ситуации, в которые они вовлечены.

Подобным образом поступают преступники, мошенники и авантюристы, когда разыгрывают «представление» перед своими жертвами. Так, преступники-насилельники, управляя процессом впечатлений, последовательно «нагоняют» на своих жертв страх и ужас и, если «представление» проходит успешно, то цели задуманной криминальной драмы реализуются ими в полной мере.

Развитие символического интеракционизма и его приложе-

ний в криминологии, появление драматургического, а затем и феноменологического подходов привели к концу 60-х годов прошлого века к разработке непозитивистской парадигмы – *феноменологической и конструктивистской криминологии*. До этого периода в науке о преступности доминировали структурные теории, созданные в рамках позитивизма и неопозитивизма.

Феноменологический подход и конструктивизм в криминологии. Основу феноменологического подхода составляют философские работы Э.Гуссерля и А.Шюца. Детальная разработка основных категорий в феноменологической перспективе была выполнена П.Бергером и Т.Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности»(1966).

Феноменологи считают предметом своего исследования «мир человеческой повседневности», обыденные представления (о добре и зле, судьбе и загробной жизни, о норме и патологии и т. п.). Интерсубъективные значения обыденных представлений образуют, с их точки зрения, сущность человеческой деятельности. В «мире человеческой повседневности» люди выступают, с одной стороны, в качестве конструкторов социальной реальности, с другой стороны, их сдерживают созданные их предшественниками социальные и культурные структуры.¹

В феноменологии изменилось представление о практике: она перестала быть синонимом материального производства. Феноменологами она интерпретируется как механизм реализации человеческого бытия, в состав которого входят формы, средства и, собственно, процесс накопления, закрепления и воспроизводства социального опыта, социальная связь между людьми и экзистенциальная готовность людей «проживать» бытие.²

В соответствии с феноменологическим подходом люди интерпретируют в свете предыдущих практик, накопленных знаний

¹Downes D., Rock P. Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking. 3-rd ed. Oxford University Press,1998. P.212-217.

²Ibidem. P.210-234.

все события, с которыми сталкиваются в мире человеческой повседневности. Так, если перед вами человек в униформе, со знаком или жезлом, то вероятнее всего, опыт подскажет вам, что он — полицейский. Однако эта интерпретация может быть и неправильной. Униформу мог одеть актер, сотрудник службы безопасности и даже преступник. Неслучайно многие женщины, слишком доверяясь своему повседневному опыту и обыденным представлениям, нередко подвергаются нападению и становились жертвами насилия со стороны «оборотней в погонах».

Феноменологический взгляд на социальную реальность, таким образом, позволяет рассматривать ее во всех проявлениях как социальную конструкцию.

Анализ интерсубъективных значений определяет объективный смысл поведения всех индивидов, в том числе и преступников. Процесс социализации позволяет каждому человеку накопить фонд значений, необходимый для успешного взаимодействия с другими людьми в повседневной жизни. Без социально полученных опыта и знаний, которые позволяют интерпретировать мир значений, жизнь была бы полна опасностей в феноменологическом смысле. Криминальная или девиантная социализация также создает фонд значений и смыслов, принятых в «преступном мире». Он обеспечивает преступников готовой системой значений. Восприятие делинквентами преступного мира является механизмом, посредством которого жизнь в преступной среде обретает вполне понятный и постижимый смысл. Преступник интерпретирует в свете своего предыдущего субъективно понимаемого опыта все события, связанные с систематическим нарушением уголовно-правовых норм. Определение преступного есть сложившийся в пространстве жизненного мира образ правонарушения. Феноменология и право открывает как мир значений, который тематизируется активностью действующего, понимающего и говорящего субъекта. Так, анализируя уголовное право как систему норм, феноменолог представляет себе его как сложившийся

в пространстве жизненного мира образ, который представляет собой синтез теоретических конструкторов и социальных практик.

Феноменологическая редукция позволяет криминологам рассматривать нормы права, криминальное поведение, преступность в целом как релятивные социальные конструкции – результат социально-коммуникативного процесса.

Криминологи-конструктивисты С.Генри и Д.Милованович в работе «Конститутивная криминология»(1996) развили и радикализировали основные положения конструкционистского подхода. С точки зрения конститутивной криминологии, нет такой вещи, как преступление в смысле объективной социальной реальности. Для Генри и Миловановича и преступление, и социальный контроль над ним есть социальные конструкции.

Преступное поведение и сама система социального контроля существуют постольку, поскольку это продукты «дискурсивных практик» среди преступников, жертв преступлений, контролеров (полицейских, тюремных надзирателей), криминологов. Часть агентов дискурса разыгрывают преступные образцы, другие участники коммуникативного взаимодействия стремятся соответствовать стандартам социального контроля над делинквентностью, третьи пытаются исследовать или судить о преступности.¹ Конструктивистский и феноменологический дискурс в криминологии, наряду с конструктивистами Генри и Миловановичем, поддержали П.Филмер, М.Филипсон, Д.Уолш и криминологи-постмодернисты.

Криминологи феноменологической ориентации, конструктивисты первыми поставили под сомнение основной постулат позитивизма о том, что социальные структуры, все общественные явления, в том числе и преступления, представляют собой объективную реальность, не зависящую от идей, мнений, стереотипов, сознания и поведения включенных в них индивидов. Они ради-

¹Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.176-177.

кально изменили направление поиска в сторону изучения интересующей субъективности и жизненного мира, опыта индивида, реакции познающего и действующего субъекта на его собственное криминальное поведение.

Феноменологическая перспектива анализа в теоретической криминологии отклоняет традиционный для позитивистской науки поиск причин преступности. Ее сторонники предлагают ответить на вопрос о том, как агенты социального взаимодействия участвуют в конструировании того, что называется делинквентным поведением.

Преступность и контроль над ней в рамках феноменологии не могут быть отделены от всеобщего структурного и культурного контекстов, в которых они продуцируются в ходе дискурса. Это положение феноменологов также активно противостоит традиционной позитивистской криминологии, которая вырывает из социального и культурного контекстов преступность и контроль над ней, анализируя их отдельно.

Таким образом, основной постулат феноменологической криминологии и конструктивизма состоит в том, что уголовно-правовые нормы, преступность и девиантность носят сконструированный, контекстуальный характер.

Вопросы для закрепления материала:

1. Покажите, в чем выражается интеракционистская перспектива анализа преступности.
2. Сформулируйте основные положения теории стигматизации.
3. Проиллюстрируйте примером теорию «драматизации зла».

- 4.Покажите взаимосвязь первичного и вторичного отклонений.
- 5.Раскройте, в чем состоят основные положения социоструктурной теории стигматизации.
- 6.Объясните, из чего исходит и в чем состоит концепция «реинтегративного стыда».
- 7.Раскройте существо драматургического подхода к объяснению преступности.
- 8.Прокомментируйте криминальное поведение как феноменологическую редукцию.
- 9.В чем состоит критика криминологами феноменологической ориентации позитивистских теорий преступности.
- 10.Объясните, почему преступность есть социальный, релятивный, конвенциональный конструкт.
- 11.Покажите, в чем состоит значение феноменологической традиции в социологической криминологии.

4. Конфликтологический подход, радикально-критическая и феминистская теории

До 1960-х и даже 70-х годов в мировой криминологии доминируют позитивистская парадигма и консенсусный подход, в соответствии с которым закон выражает общественное согласие относительно базовых ценностей и норм. Однако в условиях роста гетерогенности, социального неравенства и конфликтов в западных обществах второй половины XX века договорная модель закона утратила свои прежние позиции: потеряла многих своих сторонников в криминологии. Усилившаяся критика консенсусной модели привела к ренессансу конфликтологического подхода в науке о преступности, в основе которого лежали классические работы К.Маркса, В.Бонгера, Г.Зиммеля, Р.Дарендорфа.

Криминологическая теория конфликта, как известно, исходит из предположения, что в гетерогенном обществе нет и не может быть единства и согласия в отношении его базовых ценностей. Экономически сильная социальная группа или класс определяют содержание уголовного закона на основе приоритета системы своих ценностей, который и задает юридически оформленные стандарты поведения. Закон и полиция защищают интересы тех, кто имеет экономическую и политическую власть. Если представители менее сильных групп действуют в соответствии с внутригрупповыми ценностями, идущими в разрез с законом, то это путь к преступности. Отсюда конфликтологический подход применим как к объяснению закона и уголовного правосудия, так и делинквентного поведения.

Конфликтологический подход в американской и британской критической криминологии 60-х, 70-х годов прошлого столетия был реализован не только в теории законотворчества, но и радикально-критических теориях преступного поведения.

В США первыми представителями критической, но немарксистской традиции, стали Георг Волд и Остин Терк. Разработку неомарксистского направления в 70-е годы предприняли американцы Уильям Чемблисс и Роберт Сейдман. Важным стартовым рубежом на этом пути стали и книги британских авторов Яна Тэйлора, Пола Уолтона и Джока Янга «Новая криминология» (1973) и «Критическая криминология» (1975). В этих работах анализируются радикальные подходы к пониманию преступности, дается острая, критическая оценка капиталистической системе. Правонарушитель рассматривается как ее жертва, а преступность выступает, в конечном счете, следствием классового неравенства.

В дискуссиях об использовании эвристического потенциала конфликтологического подхода криминологи часто ссылаются на К.Маркса и В.Бонгера, но не меньший взнос в его разработку внес Г.Зиммель, рассматривавший конфликтное взаимодействие как фундаментальный социальный процесс. Его главным последователем в криминологии второй половины XX века был Джордж Георг Волд, который в работе «Теоретическая криминология» (1958) описал социальный конфликт как «универсальную форму взаимодействия».¹ Криминолог обосновал положение о том, что групповые конфликты объясняют не только природу уголовного закона и правосудия, но и преступного поведения.

Волд считал, что индивид, прежде всего, принадлежит к определенной социальной группе, связан с нею общими ценностями, нормами и статусно-ролевыми характеристиками. Между группами существуют различия в целях и интересах, что приводит к противоборству между ними за более высокое положение в

¹Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P.366.

социальной иерархии. Группы, выигравшие соперничество, получают возможность осуществлять квалификацию социального поведения своих оппонентов вплоть до определения его как преступного, используя законодательную и исполнительную власть.

По Волду, весь политический процесс создания закона, его нарушения и правоприменения – прямое отражение укоренившихся фундаментальных конфликтов между заинтересованными группами. Те, кто имеет законодательное большинство, приобретают контроль над законотворчеством и полицией. Именно они решают, кто вероятнее всего будет привлечен к суду за нарушение закона.

Волд придавал особое значение конфликту среди более или менее организованных и заинтересованных групп. Он исключал импульсивные, иррациональные акты преступной природы, которые не связаны с групповым противостоянием. Позицию Волда поддержал Томас Бернارد (1986), дополнив ее своими аргументами. Волд и Бернارد впоследствии предложили «унифицированную конфликтную теорию» для объяснения и преступного поведения и уголовного закона, опираясь на исходный посыл Волда о «несоизмеримых и противоречивых наборах ценностей и интересов» между конфликтующими группами.

После выхода работ Г.Волда, Остин Терк, а затем Уильям Чемблисс реализовали конфликтологический подход в криминологической теории. Они утверждали, что теоретики слишком долго занималась поисками причин преступного поведения, поэтому их внимание должно быть сосредоточено на объяснении уголовного закона. Согласно Терку, центральная задача теории состоит не в том, чтобы выяснить причины преступного поведения, а в том, чтобы объяснить процесс, в ходе которого отклоняющееся поведение формально определяется как преступное.

Основные положения своей теории О.Терк изложил в книге «Преступность и законный порядок»(1969). Терк отверг идею формирования криминальной карьеры с социально–

психологических позиций, как это отчасти делали Э.Сатерленд, И.Най и другие криминологи. Подобно некоторым сторонникам теории стигматизации, он рассматривал криминализацию как обретение статуса в рамках взаимодействия между теми, кто создает уголовное право, интерпретирует и применяет его нормы (законодатели, полиция, судебная система). Терку было важно выяснить то, каким образом люди могут быть подвергнуты криминализации, приобретая статус преступника.

Анализируя правосудие и политическую систему американского общества, исследователь пришел к радикальному выводу, что криминализация – следствие социального конфликта между теми, кто обладает и не обладает политической властью. Причем, чем больше политические различия между властью имущими и подвластными группами, тем больше вероятность противостояния между ними и возможность криминализации оппонентов.

В концепции криминализации Терка преступность есть отражение борьбы за власть, в ходе которой влиятельным социальным группам удастся закрепить определенные ценности в нормах права. Поэтому нарушение существующих законов подпадает под дефиницию уголовно наказуемого деяния. Следовательно, определение официальной властью индивида как преступника и есть содержание процесса криминализации. Функционалист Нейл Смелзер лаконично поясняет это положение следующим образом: «Полиция в первую очередь применяет законы, направленные против бедняков и не причастных к власти, тех, кого можно подавлять, не встречая сопротивления».¹

В американской криминологии 1970-х годов возросло влияние неомарксизма. У.Чемблисс, Р.Куинни, Э.Платт и другие теоретики перешли на более радикальные, критические позиции, разделяя основные идеи К.Маркса. Согласно марксистской теории, капиталистическое общество состоит из социальных классов: капиталистов, владеющих средствами производства и контролирующих

¹Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С.215.

власть, а также не имущего пролетариата, отстраненного от власти, но обладающего гипотетическим правом выбора. Монополия капиталистов на средства производства дает им возможность формировать государственную власть.

Политические силы, выражающие интересы капитала, определяют гражданское и уголовное законодательство, регулируют судопроизводство. Подавленный капиталистической системой пролетариат не имеет возможности изменить ситуацию, ограничить эксплуатацию и защитить себя от притеснений. У капиталистов и пролетариата антагонистические классовые интересы. Данная ситуация останется неизменной до тех пор, пока классовые конфликты не приведут к революции и не будет свергнута власть и экономика капиталистов.

Конфликтологи Волд, Бернارد, Терк, с одной стороны, и неомарксисты Чемблиз, Куинни, Платт солидарны относительно того, что при «развитом капитализме» в руках правящих групп или классов сконцентрирована вся экономическая и политическая власть.

Уильям Чемблисс и Роберт Сейдман, как сторонники структуралистского направления в неомарксизме, опубликовали работу «Закон, порядок и власть»(1971). Этот труд представляет собой некое подобие моста, соединяющего позиции теоретиков конфликта, развивающих подход Зиммеля и сторонников Маркса. Чемблисс и Сейдман показывают, что капиталисты как доминирующая группа с помощью применения правовых норм обеспечивают себе гарантированное превосходство и привилегии.

В 1975 году структуралист Чемблисс в работе «К политэкономии преступности», анализируя капиталистическую систему, широко использует понятия, заимствованные из марксистской теории: социальный класс, классовые интересы, классовый конфликт. С их помощью Чемблисс обнажает классовую природу капитализма, считая ее основным фактором глубоко укоренившейся преступности. Кроме того, он раскрывает несправедли-

вость и нечестность легальной власти. Чемблисс показывает, что представители господствующего класса капиталистов нарушают уголовный закон не реже рабочих, но при этом избегают наказания. Селективность правосудия объясняется ученым не тем, что высокопоставленные делинквенты умны или имеют индивидуальные способности скрываться от полиции, а тем, что фемида выражает интересы господствующей элиты. Уголовное законодательство, которое создают и применяют ее клевреты, преследует тех, кто не принадлежит к капиталистическому классу.¹

Сущность вопроса по Чемблису не в том, кто и что совершает, а в том, кто на кого может навесить ярлык криминального действия. Основанием этого социально–политического процесса является «структура общественных отношений, детерминируемая политической экономией».² Следовательно, преступные действия, совершаемые в интересах господствующего класса, не подвергаются уголовному преследованию, в отличие от тех, которые им не служат. Как это неомарксистское утверждение криминолога актуально звучит для оценки тотальной коррумпированности и делинквентности бизнес–класса и высших клерков в современной России!

Классическая марксистская теория утверждает, что изменение общественного строя и улучшение положения пролетариата могут произойти только интенсивным путем с помощью революционного насилия. Неомарксисты отходят от этой позиции и выступают в пользу реформ и других «неинтенсивных» мер при построении демократического социализма.

Теория преступности Р.Куинни. Весьма значительный вклад в конфликтологический дискурс в криминологии вносит Ричард Куинни Р.Куинни – типичный представитель инструментального неомарксизма. В своей книге «Социальная реальность и преступление» (1975). Он радикально-критически оценивает ры-

¹Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P.371.

²Chambliss W. Toward a political economy of crime // Rubington E., Weinberg M.S.(eds.), The study of social problem: seven perspectives. N.Y., 2003. P.241.

ночный капитализм, считая, как и Чемблисс, что его социально–классовая структура является общей причиной современной преступности. При этом Куинни еще более радикально подчеркивает роль политического конфликта между классом капиталистов и пролетариатом в формировании и функционировании уголовного законодательства, в объяснении преступности и других форм девиантности.

Вся реальная власть, по Куинни, всецело принадлежит правящему классу, главные цели которого состоят в ее удержании и поддержке буржуазного общественного устройства, в том числе с помощью системы обеспечения правопорядка. Капиталисты, преследуя эти цели, отстаивают интересы, прямо противоположные интересам пролетариата, растаптывая при этом продекларированные либеральные права и свободы. Поэтому основное противоречие между реальностью угнетения масс и демократическими идеалами свободы и равенства ввергает буржуазную элиту в «кризис законности».¹

Р.Куинни рассматривает уголовный закон как полностью подконтрольное средство (инструмент) государственной власти, используемое классом капиталистов для подавления рабочего класса и народных масс. Между тем, сторонники структуралистского направления в неомарксизме (У.Чемблисс, Д.Гринберг) считают, что государство не полностью контролируется правящей элитой, и закон не всегда является инструментом для осуществления ее интересов. Они полагают, что в современном мире принимаются законы, направленные и против капиталистов. Более того, сама элита не является монолитной группой, свободной от конфликтов.

При капитализме уголовное законодательство и пенитенциарная система выстроены, согласно Куинни, не для контроля над преступностью и обеспечения благосостояния общества, а ради

¹Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.162.

подчинения народных масс. Например, лишение свободы установлено не сколько в качестве основного наказания для осужденных преступников, сколько в качестве средства «перекачивания» в места лишения свободы излишней (не занятой на рынке) рабочей силы. Этот избыток рабочей силы вне пенитенциарной системы представляет потенциальную угрозу классу капиталистов, если пролетарии смогут организовать и примкнуть к революционному движению.

Таким образом, по Куинни, система законодательства, уголовного правосудия, пенитенциарная система – это инструменты, служащие «развитому капитализму» не для того, чтобы защищать общество и его граждан от преступности, а для того, чтобы подавлять трудовой народ, обеспечивая господство класса капиталистов.

По оценке британского криминолога неомарксиста Яна Тейлора, преступление – это существенное следствие эксплуатации и угнетения рабочего класса капитализмом. Большинство преступников, вышедших из рабочего класса, вынуждены совершать преступления из-за необходимости в выживании, деликты других квалифицируются как мятеж или политические преступления. Р.Михаловски (1985) рассматривает корыстные уголовные и бытовые преступления как преступления по причине бессилия выходцев из среды пролетариата приспособиться к рыночным условиям.¹

Куинни разделяет такие взгляды на специфику преступного поведения, но при этом он существенно расширяет палитру преступных деяний. К деликтам, совершаемым рабочими с целью выживания или протеста, он добавляет преступления, характерные для правящего класса, которые тоже являются результатом капиталистической системы. Так, класс капиталистов фактически безнаказанно совершает экономические преступления с целью накопления капитала. Это финансовые спекуляции и манипуля-

¹Ibidem. P.169.

ции с ценами; загрязнение окружающей среды; правительственные преступления, совершаемые выбранными и назначенными должностными лицами (коррупция); репрессии правоохранительных органов «во имя закона», обычно направленные против тех, кто обвиняется в его нарушении (насилие и жестокость по отношению к представителям низших социальных слоев – признанный атрибут полиции в капиталистических странах). Все они служат обеспечению господства буржуазии.

В работе «Класс, государство и преступность», вышедшей в 1980 году, Р.Куинни структурировал оригинальную типологию преступного поведения.

«Преступность приспособления» в виде краж, грабежей, убийств и изнасилований распространена в среде рабочих, пострадавших от капиталистической системы. «Преступность сопротивления» включает бессознательную протестную реакцию рабочих на эксплуатацию. Правящему капиталистическому классу и тем, кто его обслуживает (менеджеры и «белые воротнички»), характерна «преступность доминирования и подавления».

В другой своей книге «Критика узаконенного порядка: контроль преступности в капиталистическом обществе»(1994) Куинни подчеркивает, что противозаконное поведение власть предержащих во многом не пресекается правосудием. В сфере экономики, управления и контроля это касается, в частности, таких деликтов, как: сокрытие доходов от налогообложения, обман потребителей, коррупция и злоупотребление политической властью. Причем по отношению к люмпенизированным слоям населения уголовное преследование за такие преступления распространяется в полной мере.

Конфликтологические, неомарксистские теории преступности имеют важное методологическое и практическое значение, так как они не только указывают на пороки современного капиталистического общества, его системы законотворчества и формального социального контроля, но и радикализируют меры по

реформированию общественного строя и противодействию преступности. Неомарксистская криминология выдвинула ряд теоретических обобщений, разоблачающих различные аспекты скрытого социального контроля по подавлению неимущего класса, осуществляемого в капиталистическом обществе. Теоретики инструментального неомарксизма поставили весьма актуальный вопрос о преступности в смысле «артефакта», обратив внимание на безнаказанность «белых воротничков» и элиты, преступников из высших слоев постиндустриального общества.

Как известно, положения и выводы немарксистских и неомарксистских теорий преступности позволили изменить законодательство некоторых развитых стран, повести более эффективную борьбу с коррупцией в среде истеблишмента, бизнес—сообщества, в высших эшелонах власти. В отношении многих высокопоставленных должностных лиц стали проводиться расследования и возбуждаться уголовные дела (например, уголовное разбирательство и отставка президента Никсона в результате уотергейтского скандала, расследование против бывшего федерального канцлера Г.Коля и партии христианских демократов в объединенной Германии и др.). Стало меняться в лучшую сторону отношение правосудия к девиантам – выходцам из низшего класса.

Неомарксистская криминология «проливает» яркий свет на ситуацию коррупцией в эшелонах власти, на селективность и слабость полицейской системы и фемиды. Ее положения весьма актуальны и для анализа должностной преступности в России. Ведь еще на слуху коррупционные скандалы в Минобороны (дело «Оборонсервиса»), в таможенном ведомстве, в Минсельхозе, Минрегионразвития, Минздравсоцразвития, Минэкономразвития, в «Российских космических системах» при реализации проекта ГЛОНАСС, при подготовке саммита АТЭС, при строительстве космодрома на Дальнем Востоке.

Коррупционные разоблачения федеральных и региональных чиновников достигли в последнее время небывалых масштабов и

широкой общественной огласки. Не менее скандальные коррупционные преступления имеют место в региональных и местных структурах власти (в Москве, Санкт-Петербурге, в республиках Кавказа и Поволжья, на юге России). Факты казнокрадства в системе ЖКХ, отопления, водоснабжения, дорожного ремонта и строительства систематически всплывают во всех российских городах и регионах.

В 80-е и 90-е годы прошлого века в академической среде уменьшилось количество криминологических работ, ориентирующихся на инструментальный неомарксизм, и возросла доля публикаций, далеко выходящих за его пределы.

Новые радикальные теории преступности (левый реализм, культуральная криминология, миротворческая криминология, феминизм) составили основу современной критической криминологии. Все они занимают критические позиции по отношению к традиционной позитивистской криминологии (структурным теориям), современному рыночному капитализму западного образца, его системе правотворчества, уголовного судопроизводства и исполнения наказаний.

Левый реализм как направление в критической криминологии сложился в работах британских криминологов Мэтьюза и Джока Янга (1987,1992). В США его популяризацией занимался Уолтер ДеКессереди.¹ Левый реализм возник в значительной степени как реакция на левый идеализм с тем, чтобы дать адекватное определение преступности и предложить пути ее сокращения. Дж. Янг сформулировал концепцию «квадрата преступности», выделив четыре базовых его элемента: государство, общество, преступник и жертва. Именно эти элементы, по Янгу, оперируют в пространстве и времени, продуцируя преступления.

Левые реалисты критикуют позиции левых идеалистов и ортодоксальных марксистов в понимании преступности. Они не рас-

¹Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey,1999. P.576.

смаатривают систему уголовного правосудия, созданную правящим классом, как инструмент для поддержки его гегемонии и подавления народных масс. Левые реалисты не считают, что уголовная юстиция не обеспечивает реальный контроль над преступностью и нуждается в демонтаже. Они исходят из того, что не только среди преступников, но и среди жертв преступлений большинство составляют представители низших классов. При этом не рассматривают участников уличной преступности и «белых воротничков», замеченных в криминале, «революционными солдатами в классовой борьбе».¹

Левые реалисты полагают, что уличная преступность реальна и опасна, особенно для представителей низших классов, тех, кто является жертвой классового неравенства и угнетения. Они предлагают не ослаблять борьбу с преступностью, но вести ее в направлении превенции, снижения сроков заключения и минимального их использования. Левые реалисты предлагают реформировать систему уголовного правосудия, сделать ее более эффективной, снизить репрессивность законодательства при усилении правительственной помощи рабочему классу и беднейшим слоям общества.

В соответствии с левым реализмом, только «социалистические преобразования», в конечном счете, могут существенно ослабить объективные предпосылки преступности, снижая остроту социального неравенства, и обеспечить общественную безопасность при демократическом контроле за работой полиции.

Таким образом, «левые реалисты» признают остроту и реальность проблемы преступности, меняют тональность критики капиталистического общества и его системы уголовного правосудия, выступают последовательно с менее радикальных, но реформаторских позиций.

Левый реализм позволил произвести переоценку некоторых радикальных положений критической криминологии, способство-

¹Akers.R.L. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.179.

вал продвижению полицейской реформы в Британии и вдохновил на новые исследования и теоретические поиски. Так, Джек Янг во второй половине 90-х годов в работе «Исключенное общество» (1999) для объяснения девиантности и преступности использовал и активно продвигал социологическую теорию дифференцирования людей «inclusive–exclusive» на «включенных» и «исключенных». «Включенные» – это успешные граждане с гарантированной реальностью благополучия, «исключенные» – те, у кого нет перспектив, кто навсегда застрял на обочине современной жизни, пополнив ряды девиантов.

В начале XXI века Янг участвовал в создании нового научного направления – культуральной криминологии, в рамках которого преступность – продукт общества, часть или элемент его культуры. Культуральная криминология сосредоточилась на изучении преступлений и культуры различных неформальных групп (байкеры, скинхеды, художники в стиле граффити и др.). Молодежные группировки, сплоченные вокруг образов, стилей, символических значений и удовольствий, основанных на сопротивлении власти, – объект специальных исследований ее представителей.

Миротворческая криминология. Концептуализация миротворческой криминологии как критического дискурса состоялась в книге «Криминология как миротворчество» (1991). Ее популяризация – заслуга Гарольда Пепински (1917-1998) и Ричарда Куинни. Последователями миротворческого подхода и аболиционизма в Европе стали скандинавские криминологи Т.Матисен, Н. Кристи, голландец Л.Хусман. В основе миротворческой криминологии лежат гуманистические идеи из некоторых религиозных, марксистских, феминистских учений. Христианство, буддизм проповедуют смирение, любовь к ближнему, отказ от насилия, а современная система уголовного правосудия опирается на принципы репрессивного противодействия преступности. Светские подходы к мирному решению проблемы преступности, по Андерсону, опираются на традиции, заложенные Марксом и Ганди.

Пепински и Куинни уподобляют борьбу с преступностью репрессивными средствами военным действиям и считают, что пришло время найти средства примирения преступника и его жертвы, полиции и общества. Представители миротворческой криминологии основательно критикуют систему уголовной юстиции и правосудия, современную пенитенциарную систему, предлагая покончить с преступностью и страданиями на основе религиозных и светских принципов миролюбия, любви к ближнему, отказа от насилия. Миротворческая криминология предлагает меры возвращения и реинтеграции осужденных в общество с тем, чтобы «облегчить страдания и уменьшить масштабы преступности».¹ На смену политике «войны с преступностью», по их мнению, должна прийти политика «мира с преступностью», поскольку рост насильственной преступности в развитых странах вызван эскалацией насилия со стороны государства. «Миротворцы» и аболиционисты выступают за отказ от института смертной казни и репрессивной полицейской и пенитенциарной системы, выдвигая стратегию уменьшения вреда (harm reduction).

Криминологический феминизм в радикальной теории представлен трудами Ф.Адлер, Р.Саймон, К.Дейли, М.Чесни–Линд, М.Маерс, Д.Клейн. Феминистская криминология опирается на анализ различий по социальному (гендер) и биологическому (секс) полу, а также фундаментальное положение, состоящее в том, что женщины по причине гендерной дискриминации находятся в подчиненном положении и процессе устранения этой зависимости. Защитница прав женщин Харрис считает, что феминизм поднимает вопросы гармонии, заботы, любви, идущие вразрез с правительственной, по сути, мужской властью в ее войне против преступности.

Ранние работы Фреды Адлер «Сестры в преступлении» (1975) и Риты Саймон «Женщина и преступление» (1975) поставили проблему расхождения в уровнях преступности между

¹Ibidem. P.182-185.

женщинами и мужчинами. Объяснение этого феномена они нашли не в биологических различиях, а в специфике социализации, в приобретении феминной или маскулинной идентичностей.¹

Феминистская теория критикует патриархальный характер дифференциации общества на доминирующие и подчиненные гендерные группы. Привилегированные мужчины управляют, создают правила и следят за их соблюдением. В этой системе женщины находятся в невыгодном положении, поскольку ограничены требованиями гендерных ролей и подвержены более жесткому формальному и неформальному социальному контролю.

Сторонники криминологического феминизма не удовлетворены позитивистскими теориями преступности, поскольку те ориентированы на объяснение преступного поведения только со стороны мужчин. Они считают, что все существующие социоструктурные теории преступности протестированы только на мужских популяциях. Теоретики криминологического феминизма ставят задачу «просеять патриархальные науки» и выработать феминистский подход к преступности и уголовному правосудию. Они считают, что криминологическое знание определяется сегодня жизненным опытом, сформированным только одним гендером (так же, как одной расой, классом и этносом). И пока в криминологии доминируют мужчины, существующие теории преступности имеют серьезные изъяны «мужского» видения этой проблемы. При этом и предлагаемые меры на криминальные вызовы тоже «продукт белых, экономически привилегированных мужчин».²

Ранние теоретики феминизма видели причину роста женской делинквентности в усвоении женщинами и реализации ими мужских ролей. Так, теория властного контроля предполагала, что патриархальная семейная система создает более делинквент-

¹Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P.568-569.

²Akers.R. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.189.

ных мальчиков и менее делинквентных девочек. Либеральный феминизм детерминанты преступности вычленил, исходя из специфики гендерной социализации. Женской преступности препятствуют гендерные нормы, более плотный социальный контроль (готовность рисковать поощряется у мальчиков и пресекается у девочек), физическая слабость и уязвимость женщин по сравнению с мужчинами, репродуктивно–сексуальные отличия женщин и мужчин. Феминистские криминологи активно используют тезис о патриархальной природе женской дискриминации с тем, чтобы проанализировать и объяснить изнасилования и другое сексуальное и физическое насилие мужчин над женщинами и женские правонарушения.

Впрочем, феминистская теория преступности все еще формируется: до сих пор нет хорошо развитой и структурированной ее модели. Теоретики феминизма приближаются к решению этой задачи, акцентируя внимание на специфике гендерных и половых ролей, которые недооценивают другие исследователи.

Таким образом, теоретики феминизма при изучении женской преступности и девиантности считают ключевыми факторами специфику социализации и социального контроля, обусловленные гендером, половые различия, возраст, которые другие теории игнорируют. При этом наряду с поло–ролевыми факторами они отводят весьма важную роль в объяснении отклоняющегося поведения женщин фоновой патриархальной структуре, которая пронизывает все стороны жизни современного капиталистического общества.

Феминистская теория объясняет решения уголовного правосудия как отражение мужского превосходства и доминирования путем поддержки патриархальных норм и дискриминации женщин, укрепления их традиционных половых и семейных ролей. Чесни–Линд считает, что с девушками обращаются более строго, чем с юношами в случае незначительных правонарушений, потому что патриархальная система «сексуализирует» их правонару-

шения, как угрозу традиционным представлениям о половых ролях. С ее точки зрения, это убедительный пример того, как общество мужского превосходства поддерживает патриархальный контроль над женщинами.

Вопросы для закрепления материала:

1. Раскройте положения криминологической теории конфликта Дж. Волда.

2. Опишите развитие структуралистского направления в неомарксизме на примере криминологической теории У. Чемблиса.

3. Опишите развитие инструментального направления в неомарксизме на примере криминологической теории Р. Куинни.

4. Покажите, каково значение немарксистских и неомарксистских теорий преступности.

5. Опишите, в чем состоит левый реализм в криминологической теории.

6. Раскройте основные положения миротворческой криминологии как критического дискурса.

7. Покажите, в чем состоят основные положения феминистской радикальной криминологии.

8. Покажите, каково значение криминологического феминизма.

5. Постмодернизм о преступности

Постмодернизм как особый стиль научного воображения и теоретизирования, методология реконструкции и познания старых и новых социальных проблем, в том числе преступности и девиантности, – детище второй половины XX века. Философия постмодернизма уходит своими корнями к Ф.Ницше, М.Хайдеггеру, французской социальной мысли конца 1960-х и 1970-х годов прошлого века. Она противопоставляет себя гегельянству, подвергая резкой критике идеи западного рационализма и логоцентризма. Творцы и последователи постмодернизма в обществознании – французские философы Ж.–Ф.Лиотар, М.Фуко, Ж.Делез, Ж.Деррида, Ж.Бодрийяр, итальянский философ Дж.Ваттимо, британский социолог З.Бауман.

Современные исследователи рассматривают постмодернизм многогранно: и как переходную эпоху, и как иной образ жизни, и как новую культуру, и как науку. Постмодернизм как течение в общественной науке отражает транзит социума от эпохи модерна к состоянию постмодерна на фоне ускорения технологических и социальных изменений, его переход от классовой структуры к модели фрагментарного, мозаичного типа. Экономика постмодерна больше ориентирована на производство идей, знаний, информации, на оказание услуг для удовлетворения индивидуальных потребностей и массового консьюмеризма, на производство новых высоких технологий.

Позитивизм – теоретико–методологический мейнстрим в науке эпохи модерн. Он опирается, как было показано, на убеждение о том, что в мире существуют универсальные вещи, которые могут быть обнаружены через изучение причин и следствий.

Модернистская наука рассчитывает на постижение истины с помощью позитивистских знаний и эмпирических методов с целью рационального преобразования несовершенной социальной действительности путем искоренения невежества, развития демократии, обеспечения свобод, правосудия, движения к хорошей, благополучной жизни и процветанию.

Модернизм вселял надежду на решение проблем голода, бедности, преступности. Он со времен О.Конта приравнивал социальные изменения к прогрессу, который увеличивает контроль над природой и обществом. Однако реальность XX века и наступившего XXI с разрушительными войнами, геноцидом, преступностью, социальными и техногенными катастрофами, постоянным ростом неопределенности и рисков в «новом мире» развенчала иллюзии прекраснодушного модернизма.

Применение всеобъемлющих позитивистских социальных теорий и эмпирической методологии, созданных в эпоху модерн, в высокотехнологичном постиндустриальном обществе постмодерна стало не вполне продуктивным. В социальной науке разразился «кризис детерминизма» и причинности. Стала очевидна ограниченность позитивистской теории и методологии для объяснения социальных феноменов в новом, быстро меняющемся мире.

Постмодернизм в обществознании возник как реакция, рефлексия на кризис позитивистской науки и практики эпохи модерна, на социальные изменения в поздних индустриальных и постиндустриальных обществах, когда наблюдается обострение многих социальных, техногенных, экологических проблем, когда при резком увеличении неопределенности социальных явлений становятся очевидными их проявления, связанные со случайностью, многовариантностью, альтернативностью. С позиций постмодернизма виртуальная сконструированная социальная реальность (симулякры и симуляции, по Ж.Бодрийяру) детерминирует реальность объективную.

Критический постмодернизм как новое течение в социальной

науке характеризуется интенсивным скептицизмом по отношению к позитивизму и познавательным возможностям человеческого разума, релятивизацией всех знаний. Он ставит под сомнение эффективность традиционных научно–рационалистических теорий, созданных в эпоху модерн, поддерживает плюрализм различных концепций и предлагает замену эмпирически обоснованных теорий постэмпирическими. По сути, постмодернизм представляет собой экстериоризацию той части социального опыта, который не выражен институциональными средствами и структурами современного общества. Он больше имеет дело с феноменологическими категориями, социальной коммуникацией, дискурсами, делая их центральными понятиями постмодернистского типа мышления.

Для философии и социологии постмодернизма присущи не только новые методологические подходы и методы, но и рефлексивность, способность к самопознанию, пастиш (смешение стилей, заимствованных из различных контекстов). Постмодернистская логика анализа альтернативная позитивистскому мышлению характеризуется как новый тип теоретизирования, открытый не только для рациональных, но и для иррациональных понятий. Теоретики-постмодернисты и эмпирики постмодернистской ориентации широко используют дискурсивный анализ, теорию нелинейных динамических систем, теорию хаоса, теорию катастроф, синергетический и другие подходы.¹

Постмодернистская криминология как критическое научное направление формируется в 80-е, 90-е годы XX и начале XXI века в работах Б.ДиКристина, Э.Янг, Дж.Фэррела, К.Хейворда, Д.Миловановича, Г.Барака Э.Уэллса не как одна теория, а как группа относительно новых или вновь появляющихся теоретических перспектив постмодернистского анализа девиантности и преступности. Среди них: конститутивная, феминистская, критическая, культуральная, реалистическая, топологическая, анархическая, интегративная криминологии.

¹Milovanovic D. Postmodern Criminology. N.Y.-L.:Garland Publishing,Inc.,1997.

Криминологи-постмодернисты опираются на положения философии и социологии постмодернизма, на постструктурализм и семиотику, широко используют методологию деконструктивизма. В юридическом контексте, по Ж.Деррида, деконструировать значит «освободить, открыть закон, сделать его более гибким, внутренне доступным пересмотру и улучшению...».¹ Различные варианты постмодернистской криминологии конструируют и деконструируют социальные и правовые нормы, преступность, девиантность, социальный контроль, рассматривая их в предельно широком социокультурном, интегральном смысле, то есть контекстуально.

Большинство постмодернистских подходов в криминологии являются деконструкционистскими, поскольку они бросают вызов нередко вполне эффективным теориям преступности, переосмысливают и разоблачают их несостоятельность в новых условиях и выдвигают новые замещающие теоретические конструкции более релевантные обществу постмодерна.² Постмодернист Брюс ДиКристина в 1995 году предложил свой оригинальный вариант деконструкционистского подхода под названием «анархическая криминология», которая охватывает альтернативные методы и эпистемологию, поддерживает символически реконструированные решения социальных и криминальных проблем.³

Постмодернизм проблематизировал представления о преступности, современном порядке, контроле и власти в обществе. Постмодернистская криминология – это ответ науки на социальные вызовы и перемены в сфере преступности, девиантности и социального контроля, обусловленные переходом общества к эпохе постмодерна. С точки зрения криминологов-постмодернистов, ни со-

¹Цит. по: Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012. С.33.

²Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P.562.

³DiCristina B. Methods in criminology: a philosophical primer. Harrow and Heston. N.Y., 1995.

циальные науки в целом, ни криминология, в частности, не содержат никаких основополагающих объяснений или универсальных законов конформного и преступного поведения, а лишь вводят в заблуждение, что требует отказа от позитивистских теоретических моделей или их критического пересмотра.

Криминологи-постмодернисты (П.Мэннинг, С.Генри, Д.Мило-ванович) обращаются к критическому переосмыслению классической позитивистской рациональности, универсальности, объективности не только преступности, но и норм уголовного права. Они отрицают рационализм уголовного права на том основании, что он ограничен коммуникативными возможностями языка. Другая часть критических возражений состоит в неспособности легального формализма к адекватному развитию уголовно-правовой теории и практики в новых быстро меняющихся социальных условиях. Постмодернисты обращают внимание на релятивный и конвенциональный характер норм уголовного права. С их точки зрения, нормы права, как и преступность, не могут быть отделены от всеобщего социоструктурного и культурного контекста, в котором они продуцируются в ходе дискурса.

Кроме того, деконструкционист П.Мэннинг убедительно показывает, что уголовно-правовые нормы релятивны и не могут соответствовать большинству культурных ценностей и ориентиров членов общества постмодерна в связи с ростом миграции, развитием мультикультурализма и иных глобальных процессов. Отсюда делается вывод о том, что сомнительна и ценностная нейтральность, и объективность уголовного законодательства, выстроенного только на позитивистской основе. Д.Милованович также раскрывает релятивизацию правовых норм, научного знания и доказывает, что дискурс в критических правовых исследованиях с его разнообразием в теоретических перспективах все еще остается полем «постоянных поисков теории».¹

Критика постмодернистами «узких мест» позитивистской

¹Barak G.Integrating criminologies. Boston: Allyn& Bacon,1998. P.176-179.

криминологии и науки уголовного права – источник для совершенствования норм современного уголовного законодательства, моделей социального контроля над преступностью в обществе постмодерна, быстро меняющем свой облик. Она неслучайна, поскольку позитивистское уголовное право, соответствующее ему законодательство в новых социальных условиях реально не обеспечивают должный правопорядок и эффективный социальный контроль над криминалом.

Многие ведущие европейские и американские, российские криминологи эпохи постмодерна Н.Кристи, Т.Матисен, Дж.Альбанезе, Я.Гилинский, Д.Шестаков и другие осознают социальную неэффективность традиционных средств социального контроля в рамках возмездной юстиции (retributive justice) и определяют ситуацию в уголовной политике и практике как «кризис наказания» или полицейского контроля.¹ Неэффективность, считает Я.И.Гилинский, (более того, минусовая, отрицательная эффективность, наличие негативных последствий) наказания хорошо известна.²

Криминолог–постмодернист феминистского направления Э.Янг в работе «Образ преступления: человек, объявленный вне закона, и криминальные беседы»(1996) переосмыслила криминологические тексты, предлагая «прочитать криминологию не криминологически». Янг проводит дискурсивный анализ, исследует роль языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения.³ Она исследует проблематику одиночества в жизни женщин и семьи, поднимает вопросы ответственности родителей за девиантность детей, постмодернистски «прочитывает» и «ре-

¹Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб., 2009. С.404-410; Гилинский Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Ежегодник уголовного права.2013.СПб, 2014. С42-58.

²Гилинский Я.И. Очерки по криминологии. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. С.106.

³Young A. Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations». N.Y.: Sage Publications, 1996.

конструирует» тему СПИДа.

Другой вариант постмодернистского подхода в криминологии представлен в работе одного из основателей конститутивной криминологии Д.Миловановича «Криминология постмодерна» (1997). Милованович использует приложения семиотики и семантики для изучения преступности и реконструкции уголовного закона.

Преступность и контроль над ней рассматриваются криминологом как релятивные социальные конструкты, а также как неопределенные, взаимосвязанные, релятивные, динамические и диалектические явления, продуцированные в ходе социального процесса, в который вовлечены преступник, его жертва и общество.

Таким образом, в понимании постмодернистов преступность конвенциональная, релятивная социальная конструкция - рекурсивная продукция, поскольку люди создают (конструируют) себя и собственный мир через взаимодействие с окружающими в процессе речевой коммуникации. Посредством языка и символических представлений они идентифицируют отличия, определяют категории, тем самым участвуют в социальном конструировании преступности и порядка. При этом человек не только формирует действительность, но и сам изменяется под ее влиянием. Отсюда уголовно-правовые нормы, преступность и социальный контроль над ней – это конструкты, результат однообразных действий, которые стали частью исторического и культурного общения, достигшие относительной стабильности в определенном времени и пространстве.

Преступность в рамках постмодернистской криминологии – интегральная часть общества, результат совокупного воздействия всех его элементов, а не их отдельное влияние. Она вызвана социальной структурой и идеологией, разделяющих отношения между людьми в контексте дискурсивных практик по вопросам распределения ответственности друг перед другом во властной

иерархии.¹ Следовательно, и преступник, и его жертва – результат неравного распределения и влияния власти, то есть структурированного неравенства.

Развитие современной криминологии в постмодернистской перспективе — реальный факт, позволяющий увидеть новые базовые черты науки о преступности в третьем тысячелетии. Попытку структурировать их сделал американский криминолог–постмодернист Эдвард Уэллс в статье под названием «Объяснение преступности в 2010 году». Будущее криминологии Уэллс сформулировал в следующих утверждениях:

- более эклектичная, чем прежние теории, и более междисциплинарная, то есть менее привязанная к одной теоретической традиции или дисциплине;
- более компаративная и менее ограниченная единственным типом общества или единственной доминантной группой в нем;
- скорее индивидуалистическая, чем коллективистская, более волюнтаризматическая, чем детерминистская;
- ориентированная больше на прикладную, прагматическую направленность;
- нацеленная больше на объяснение преступности «белых воротничков» и элиты;
- более рефлексивная, прибегающая, в том числе, к использованию реконструированных положений из биологических оснований человеческого поведения, теоретических подходов из биологической и медицинской области.²

¹Milovanovic D. Postmodern Criminology. N.Y-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

²Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P.561.

Вопросы для закрепления материала:

- 1.Опишите основные постулаты постмодернистской криминологии.
- 2.Раскройте постмодернистское понимание преступности.
- 3.Опишите основные предпосылки теоретической интеграции в криминологии.
- 4.Покажите, в чем состоит развитие современной криминологии в постмодернистской перспективе.

6. Интеграция криминологических знаний: теории и перспективы

6.1. Предпосылки теоретической интеграции, типы причинности в криминологии

Первые попытки интегрировать различные подходы в создании теорий социального научения преступности прослеживаются, начиная с работ Э.Сатерленда в его теории дифференциальной ассоциации (1939) и последующих ее модификациях, предложенных Д.Глейзером (1956) и Р.Айкерсом (1966). Структурные теории напряжения в ходе модификации были дополнены явно выраженным субкультурным подходом, как это произошло с теорией фрустрации статуса А.Коэна (1955). В начале 90-х годов XX века в общей теории напряжения Р.Агнью, широко учитывается интегративный эффект когнитивных, поведенческих и эмоциональных составляющих адаптации индивидов к различным типам напряжения в социальной системе.¹

Позитивистские теории преступности в своем построении, начиная с середины XX века, в той или иной мере содержат элементы интегративности.

Одну из любопытных модификаций конфликтологической теории преступности предложил неомарксист структуралистской ориентации Дэвид Гринберг в работе «Делинквенция и возрастная структура общества» (1981). Гринберг, опираясь на базовые положения марксистской криминологии, привлек к своему анали-

¹См. подробнее: Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд.дом «Алеф-пресс», 2014. С.98-139.

зу непротиворечивые положения из теорий социального научения, дифференциальных возможностей, социального контроля.

Как известно, неомарксисты не отрицали того, что социально–психологические процессы, формируемые в рамках социально–классовой структуры, имеют значение в понимании преступности и уголовного правосудия. Характеризуя эти структуры, они уделяли особое внимание организации экономической активности с учетом политических и экономических изменений в обществе. В частности, Д.Гринберг обратил внимание на дифференциацию возможностей и специфическое распределение преступности в классовом обществе по возрастному критерию. Он обнаружил заметные диспропорции доли несовершеннолетних, вовлеченных в преступления, по отношению к числу преступников из других возрастных групп.

Гринберг предположил, что у несовершеннолетних молодых людей из всех классов капиталистического общества закрыт доступ на рынок труда. И, если родители, принадлежащие к угнетаемому классу, не могут приобрести подросткам необходимые вещи или продукты, то им приходится самостоятельно решать эту проблему, прибегая к другим, чаще всего незаконным способам заработка. Такой выбор молодые люди психологически оправдывают тем, что в силу возраста цена преступления в этом случае еще не велика: чем моложе, тем меньше риск наказания. И даже когда перед совершеннолетними откроется рынок труда, молодые люди по-прежнему могут прибегать к нелегитимным средствам заработка.¹ Гринберг считал, что делинквентность несовершеннолетних при социализме идет на убыль по сравнению с капиталистическими странами.

Состязательность и взаимная критика представителей различных теоретических перспектив в криминологии конца XX века стимулировали дальнейшее развитие теорий преступного по-

¹Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.170-171.

ведения на пути теоретической интеграции. Действительно, ни позитивистски выстроенные структурные теории, ни процессуальные теории феноменологической и конструктивистской ориентации, ни критические концепции, созданные в других теоретических перспективах, не позволяли до конца охватить и выразить все проявления и природу криминальных актов.

Запас знаний и научных исследований в этот период был еще недостаточным, чтобы выделить самостоятельный дискурс теоретической интеграции в рамках более сложных концепций, объясняющих изменения темпов насильственной преступности представителей низшего класса или моделирующих латентную делинквентность в среде «белых воротничков» и буржуазной элиты. Рост числа девиантных проявлений, их дифференциация, а также неспособность системы формального социального контроля в развитых странах Запада и, прежде всего, в США сбить «волну преступности» во второй четверти прошлого века привели к «кризису наказания».

В новых социальных условиях сложился запрос на разработку интегративной парадигмы в криминологии. Интегративный подход в моделировании природы делинквентности и других форм социального неблагополучия предполагает более полный учет различных сфер человеческой деятельности, синтез причинно-следственных связей, заимствованных из ряда непротиворечивых монотеорий.

Интегративная перспектива анализа преступности стала формироваться со второй половины 70-х, в 80-х годов прошлого века как реакция на ограниченность объяснительных возможностей большого количества позитивистских и непозитивистских монотеорий преступности. Процесс интегративного научного поиска подстегнуло развитие альтернативных позитивизму феноменологических и постмодернистских подходов. Дополнительным импульсом к развитию интегративных теорий послужила острая критика позитивистского подхода, объективизма и детер-

минизма со стороны феноменологической и постмодернистской криминологии.

Первой принято считать теоретическую интеграцию в рамках неопозитивизма, которая отражала интенции уходящей эпохи модерна. Теоретическая интеграция рассматривалась криминологами-позитивистами как комбинация двух или более теорий, которые отбираются на основе их общности в единую переформулированную теоретическую модель с большим объяснительным потенциалом, чем в каждой исходно взятой теории. В процессе разработки интегративной теории в нее могут как включаться, так и не включаться совместимые (непротиворечивые) суждения и идеи из других теорий.¹

Интерес к теоретической интеграции на этом этапе развития криминологической науки был вызван и тем, что ее сторонники стремились разработать базовые понятия и принципы, способные обеспечить согласованность положений отдельных теорий и выстроить более комплексные, если не всеобъемлющие, этиологические модели преступности. Так, Джек Гиббс (1989) определил понятие «контроль», а Стивен Месснер и Ричард Розенфельд (1994) идентифицировали концепт «культура» как центральное понятие интегративной теории.

Интегративный подход стал многообещающим в более адекватном комплексном объяснении множественных причинно-следственных связей, продуцирующих преступность. За модернистскими интегративными теориями преступности последовали и постмодернистские модели теоретической интеграции.

Многообразие подходов к теоретической интеграции привело в последствии к формированию гибридных (смешанных) вариантов интеграции, сочетающих положения и методы, созданные в рамках модернизма (позитивистские принципы, факты и ценности эмпиризма) и постмодернизма (постмодернистский реконструкционизм). В начале XXI века в интегративном дискурсе

¹Ibidem. P.205-206.

были заявлены и пост-постмодернистские варианты теоретического синтеза.

В результате на рубеже и в начале XXI века в трудах зарубежных криминологов Р.Айкерса, Дж.Хагэна, Дж.Коулмана, Б.Татума, Б.Вилы, Б.Арриго, Г.Барака и других сложилась интегративная криминология, основные положения которой отрефлексированы и отечественными исследователями (Я.И.Гилинский, Д.А.Шестаков, Т.В.Шипунова, Ю.Ю.Комлев и др.).

Интегративный дискурс стал ответом науки постмодерна на проблемы, с которыми столкнулась традиционная позитивистская криминология как детище эпохи модерн, в условиях глобализации, виртуализации криминальной реальности, ускорения социальных и технологических изменений в «новом» мире, релятивизации знаний о преступности и кризиса детерминизма, «кризиса наказания» и полицейского контроля.

Эйнстэдтер и Генри в 1995 году выделили четыре типа причинности в контексте теоретической интеграции (линейная, множественная, интерактивная, диалектическая).¹

Линейную причинность они интерпретировали как последовательность событий, в которой каждый предыдущий случай генерирует условия для последующего, пока не наступит финальный криминальный акт.

Множественная причинность в ранних интерпретациях криминологов моделировала преступный акт как результат действия нескольких условий (разрыв с родителями, слабая приверженность к школьной учебе, идентификация с преступной группой): любое из них могло привести к преступлению. В более поздних вероятностных версиях причины преступления стали выступать необходимым, но недостаточным условием для совершения преступления.

Интерактивная причинность характеризуется еще большей сложностью, поскольку причина и следствие имеют циклический

¹Barak G. Integrating criminologies. Boston: Allyn & Bacon.1998.P.191.

характер взаимодействия, меняясь местами.

Диалектическая причинность является образцом множественной интерактивной причинно-следственной взаимосвязи. Она охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно. В модернистских интегративных теориях, как правило, подразумевается линейная или множественная причинность. Постмодернистская и пост-постмодернистская интеграция учитывает более сложную связь причины и следствия. Это и множественная интерактивная, и диалектическая причинность.

6.2. Модернистская интеграция

В конце прошлого столетия был создан на основе неопозитивизма ряд модернистских интегративных теорий преступности. Это работы Говарда Каплана (1975), Рональда Айкерса(1975), Ричарда Куинни(1977), Дэлбета Эллиота(1979), Ричарда Джонсона(1979), Марка Колвина и Джона Паули(1983), Фрэнка Пирсона и Нэйла Уэйнера(1983), Джеймса Уилсона и Ричарда Хернштайна(1985), Томаса Бернарда(1986), Мервина Крона(1986), Родни Старка(1987), Джона Хагэна(1988), Джеймса Коулман(1989), Терэнса Мифа и Роберта Мейера(1994), Беки Татума(1995).

Рональд Айкерс в работе «Криминологические теории: введение и эволюция»(1997) рассматривает три принципиальных способа, с помощью которых можно дать оценку и способствовать развитию теории. Первый заключается в том, чтобы проверить, подтверждаются ли выдвинутые гипотезы в ходе практики и испытания временем. Второй способ состоит в том, чтобы использовать «теоретическое соревнование», то есть выполнить логическое, концептуальное или эмпирическое сравнение двух или более теорий для того, чтобы выяснить, какая модель лучше объясняет девиантное поведение. Третий способ – работа над теоретической интеграцией. Она определяется исследователем как комбинация двух или более теорий, которые отбираются на осно-

ве их общности в единую переформулированную теоретическую модель с большим объяснительным потенциалом, чем в каждой исходно взятой теории. В процессе разработки интегративной теории в нее могут как включаться, так и не включаться совместимые (непротиворечивые) суждения и идеи из других теорий.¹

Современный теоретик-постмодернист – критик модернистской интеграции Грэг Барак выделил в ряду интегративных теорий три уровня их группировки: микромоделей (микросоциальные процессы), макромоделей (макросоциальные структуры), микро-макро или смешанные модели.²

Для микромоделей существенна роль социальных процессов и личностных характеристик индивидов в объяснении преступного поведения. Так, Джеймс Уилсон и Ричард Хернштайн (1985) выдвинули комбинированную гипотезу, в соответствии с которой в природе преступления первостепенное значение имеют социальное научение индивида и его наследственные факторы (импульсивность, низкий интеллект). Эта теоретическая конструкция была нацелена на интегративное моделирование агрессивного, жестокого криминального поведения.

Мервин Д.Крон (1986) в своей сетевой теории предложил более сложную интегративную модель преступного поведения на основе социального обучения, социальных связей и социального контроля в процессе взаимодействия индивидов в форме социальной сети. Крон считал, что чем ниже плотность сети по отношению к плотности населения, тем слабее ограничения против несоответствия нормам и тем выше уровень преступности.

Для макромоделей при прогнозировании преступности существенна роль социоструктурных факторов.

Родни Старк (1987) обосновал структурную теорию преступности с использованием концепта «экология среды обита-

¹Akers R.Criminological Theories: introduction and evalution. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company,1997. P.205-206.

²Barak G.Integrating criminologies. Boston: Allyn & Bacon.1998.P.193-199.

ния». Он объединил влияние ряда средовых (плотность населения, ветхость жилья) и экономических (бедность) факторов на преступность.

Джон Хагэн (1988) выдвинул структурную теорию контроля власти, пола и поведения, где объединил базовые элементы неомарксизма, гендерного анализа и теорий контроля.

Для микро-макромоделей характерно объединение положений из процессных и структурных теорий девиантности. Фрэнк Пирсон и Нэйл Уэйнер (1985) предложили модель интеграции на основе социального обучения с включением пропозиций из теории социальной связи, утраченного и рационального выбора теорий напряжения и использования незаконных возможностей.

Криминологи-позитивисты используют различные основания для типологизации интегративных теорий. Так, Ален Лиска, обобщая опыт теоретического синтеза в 1980-е годы, выделил концептуальную и пропозициональную интеграцию. Концептуальная возникает тогда, когда понятия из одной теории перекрывают в своем значении понятия из других теорий. Пропозициональная интеграция связывает суждения (положения) из различных теорий. К первому типу относятся, например, интегративные теории концептуального поглощения Р.Айкерса и концептуальной интегративной рамки Ф.Пирсона и Н.Уэйнера. Ко второму – интегративная модель напряжения, связи и научения Д.Элиота, интегративные теории М.Крона, Т.Торнберри и других авторов.

Рассмотрим наиболее яркие примеры модернистской концептуальной и пропозициональной интеграции.

Теория концептуального поглощения Р.Айкерса. Р.Айкерс в 1975 году показал, что идеи теории социального научения частично совпадают с положениями из теорий социальной связи, стигматизации, конфликта и аномии. Позже он предположил, что интеграция может достигаться с помощью концептуального поглощения. Концептуальное поглощение означает абсорбцию понятий из одной теории понятиями другой в тех случаях, когда это позволя-

ет описываемое ими явление. Например, в теории социальной связи концепт «убеждение» относится к обычным моральным убеждениям, которые строго придерживаются виновности. Концепт «убеждение» может быть абсорбирован в теорию социального научения для определения неблагоприятных дефиниций закона, способствующих совершению преступления, и благоприятных, останавливающих перед совершением зла. Айкерс считает, что концепт «приверженность» из теории социальной связи также может быть абсорбирован в теорию социального научения.

Теория концептуальной интегративной рамки Ф.Пирсона и Н.Уэйнера. Удачная попытка концептуальной интеграции была сделана Фрэнком С. Пирсоном и Нейлом А. Уэйнером (1985), в которой они объединили концепты из наиболее важных макро-и микротеорий криминального поведения в одну интегративную рамку. Предложенная модель интеграции выполнена на основе выделения понятий, которые являются общими для разных моно теорий и, в свою очередь, характеризуют эти понятия в рамках общей структуры.

Основой модели Пирсона и Уэйнера является теория социального научения. С ее помощью они установили восемь основных концептуальных положений. Шесть из них ссылаются на предшествующие факторы в процессе научения: 1) выгода (награда/наказание), 2) поведенческие навыки (техника совершения преступления), 3) символы благоприятных возможностей совершения преступления, 4) поведенческие ресурсы, 5) правила целесообразности (дают указания для получения максимальной награды и избегания негативных санкций), 6) правила морали (определяют поведение как плохое или хорошее).

Оставшиеся положения имеют отношение к определению двух обратных связей в механизме социального научения, как результат действия по линии: 7) получение выгоды (приобретение наград и наказаний) и 8) получение информации (знание о поведении, которое могло быть использовано для повторного дейст-

вия). Позже Пирсон и Уэйнер показали, как принципиальные положения из других наиболее важных теорий могут быть вариациями или подтипами этих восьми основных положений. Например, они полагали, что привязанность к другим (из теории социальной связи) влечет за собой подражание им и то, что эти другие становятся источником позитивной выгоды в форме эмоционального удовлетворения. Концепт приверженности также соответствует концепту выгодных требований. Положения из теорий утращения и рационального выбора также могут быть отнесены к выгодным требованиям, правилам целесообразности, знакам благоприятных возможностей, выгодным и информационным приобретениям. Положения из теорий напряжения, использования незаконных возможностей объединяются с концептами выгодных требований, правил целесообразности, знаков благоприятных возможностей. Наконец, Пирсон и Уэйнер добавили в интегративную рамку концепцию макроуровня как социально-структурированный источник производства и распространения выгоды, возможностей, правил целесообразности и морали.

Интегративная модель напряжения, связи и научения Д.Элиота. Дельберт С. Элиот предложил пропозициональную интеграцию на основе теорий напряжения, социальной связи и социального научения. Его интегрированная модель предполагает, что движение в сторону делинквентности начинается с напряжения, возникающего в семье и школе, затем оно подпадает под влияние слабых конвенциональных социальных связей в рамках традиционных структур и, наконец, под воздействием сильных связей с делинквентными сверстниками приводит к девиантному поведению.

Аналогичные построения в 80-е годы предложили А.Лиска (теория «состязания») и Т.Торнберри («интерактивная теория»), М.Крон («сетевая теория»), Ч.Титтл (теория «баланса контроля») и другие.¹

¹Akers R. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.214-219.

Работа над теоретической интеграцией с модернистских позиций продолжилась и в 90-е годы XX столетия. Это труды Джеймса Коулмана, Терэнса Мифа и Роберта Мейера, Бэки Татума.

Интегративная теория беловоротничковой преступности. Джеймс Коулман в работе «Преступная элита» (1989) сформулировал микро-макро интегративную теорию беловоротничковой преступности, которая объясняет и корпоративные, и профессиональные преступления. С одной стороны, он на микроуровне анализирует психологические побуждения «беззаботных» и «эгоцентричных» «белых воротничков». С другой, на уровне макро выполняет анализ «структуры оппозиции» (законный и незаконный).

Коулман рассматривает также «культуру соревнования», которая может быть проверена этическими нормами, СМИ, символической силой закона. Он определенно подчеркивает роль «техник нейтрализации» в корпоративном мире, которые разрушают этические нормы поведения. Они являются продуктом корпоративной культуры, где эффективная бюрократия порождает своего рода аморальный прагматизм. Он также утверждает, что законные и незаконные оппозиционные стороны дифференцированно распределены согласно рынку и потребностям правовых систем. В пределах крупномасштабных организационных структур это означает, что беловоротничковые преступления – продукт ценностей, установленных требованиями рынка и проведения законов в жизнь.¹ В итоге Коулман утверждает, что корпоративная субкультура является существенной в побуждении к профессиональным преступлениям.

Контекстуальная теория. Терэнс Миф и Роберт Мейер в работе «Преступление и его социальный контекст: к интегрированной теории преступников, их жертв и ситуаций» (1994) утверждают, что преступления не могут произойти без особого социального контекста. Они заявляют, что преступления значительно различаются с точки зрения своей социальной экологии и преступной мотивации. Предложенная учеными макро-микромодель

¹Barak G. Integrating criminologies. Boston: Allyn & Bacon.1998.P.201-202.

учитывает факторы виктимизации, поскольку обычные действия в повседневной жизни нередко создают ситуации, провоцирующие преступления. Однако, прежде всего, Миф и Мейер концентрируются на социальном контексте преступления, который задают следующие структурные факторы: низкий социально-экономический статус, подвижность населения, этническая разнородность и неполные семьи.

Интегративная теория структурного притеснения. Беки Татум в 1995 году предложил микро-макро интегральную теорию преступности – теорию структурного притеснения. Модель Татума стремится объяснить преступления угнетаемой части населения «структурным притеснением», отношениями между ней и социальным окружением с учетом психологического состояния отчуждения этих людей в трех формах адаптивного поведения — ассимиляции, делинквентности, протестных девиаций. Татум попытался связать структурные условия, восприятие афро-американцев, отчуждение, преступления и девиации, совершаемые в этой среде под давлением «структурного притеснения».

Теория Татума утверждает, что неокOLONиальная модель притеснений не только объясняет расовые и классовые различия в преступности, но также раскрывает ее историческую ориентацию, объясняет ее отличие от других структурных моделей. В то же самое время эта модель перемещает исследование преступления «от жертв притеснения к эксплуатирующим структурам современного общества».¹

Критический анализ модернистских интегративных теорий 80-90-х годов выполнен постмодернистами. Так, Г.Барак считает, что модернистские теории ограничены выбором тех или иных интегральных переменных при объяснении преступности.² Объяснительный потенциал интегративных теорий неопозитивистов снижен за счет простого объединения непротиворечивых поло-

¹Ibidem. P.208.

²Ibidem. P.211.

жений или самих монотеорий, поскольку криминальная реальность значительно сложнее ее позитивистских интерпретаций. Первые интегративные теории игнорируют такие типы социального знания, как медиа-дискурсы, текстуальность, культура, гендер, участвующие в конструировании криминальной реальности и правосудия. Тем не менее, эти первые работы, выполненные в интегративном ключе, заложили основы позитивистской интегративной криминологии.

6.3. Постмодернистский синтез

Развитие криминологической мысли в эпоху постмодерна характеризуется новыми вехами и, прежде всего, – возникновением *постмодернистской интегративной криминологии*.

Постмодернизм не только проблематизировал представления о преступности, социальном порядке, контроле и власти в обществе, но и способствовал возникновению множества попыток нового непозитивистского синтеза криминологических теорий. Как было показано, постмодернисты исходят из понимания преступности как не вполне определенной, релятивной, динамической социальной конструкции. Проводя дискурсивный анализ и исследуя роль языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения, они ставят вопрос о пересмотре, реконструкции традиционных позитивистских моделей криминального поведения.

С точки зрения постмодернистов, на преступленное поведение все большее влияние оказывают факторы возраста, пола, расы, класса и других социальных, а также психологических характеристик индивидов, пересекающихся друг с другом в контексте жизненного мира и личного опыта людей как членов различных общностей. И если для криминологов-позитивистов важны, прежде всего, объективные причины преступности, постижение логики совершения преступлений и осуществления социального

контроля в новых условиях, то постмодернисты учитывают и интерпретацию субъективных факторов, «чувственных смыслов» при совершении криминальных действий.

Некоторые из них, например Дж. Кац, анализируют моральную привлекательность и эмоциональные аргументы при совершении краж из магазинов, грабежей и вандализма. Сторонники культуральной криминологии, конструируя преступность как продукт культуры (as creative constructs), сосредотачиваются на изучении преступлений, совершаемых представителями субкультурных групп. Среди них: байкеры, скинхеды, художники, работающие в стиле граффити. Этих молодых людей объединяют определенные образы, стили, символические формы, удовольствия, вызванные нередко сопротивлением власти и участием в запрещенных видах деятельности. Неслучайно криминолог-постмодернист Джефф Фэррел заявляет, что «ситуативные удовольствия, разделенные волнением и выплеском адреналина, определяют опыт и значение преступлений для многих из тех, кто причастен к их совершению... Преступность вытекает из моментов криминального гедонизма, а также волнений, связанных с сопротивлением классовому неравенству, со спецификой потребления и гендерных различий».¹

Криминальная реальность «ультрасовременного капитализма» в эпоху постмодерна и критика постмодернистами модернистской криминологии, в том числе ее интегративной перспективы в вопросах теории, привели к опыту постмодернистского теоретического синтеза. Над этой проблематикой активно работают, начиная с 90-х годов прошлого века, молодые американские криминологи-постмодернисты Роберт Сэмпсон и Джон Лауб, Брайен Вила, Брюс Арриго, Джеймс Мессершмидт, Грег Барак.

Роберт Дж. Сэмпсон и Джон Х. Лауб, совершенствуя теорию жизненного пути, в 1993 году использовали возможности постмодернистской реконструкции и создали ее интегративную

¹Barak G. Integrating criminologies. Boston: Allyn & Bacon.1998.P.217.

версию. Процесс преступления они представили в виде модели «путей и поворотных моментов в жизни», отображающей социальное (ре)конструирование преступления. Центральная идея теории этих авторов состоит в том, что «преступление и девиация – это результат слабых или нарушенных связей индивидуума с обществом». Сэмпсон и Лауб особо выделили «роль неформальных средств социального контроля, которые зависят от взаимосвязи и структуры связей между людьми и связывают членов общества друг с другом с более широкими социальными институтами, такими как, работа, семья и школа».¹ Исследователи активно использовали как количественные, так и качественные социологические методы. Анализ объединенных эмпирических данных относительно жизненных историй подтвердил, что стабильность и изменения в поведении людей связаны с институтами занятости и отношениями в семье на протяжении всей взрослой жизни.

Брайен Вила в 1994 году разработал интегративную эволюционно–экологическую теорию понимания преступности. Его теория рассматривает взаимодействия между причинными факторами посредством различных дисциплин. В теоретическом синтезе Вила использует положения эволюционной экологии, проблемно-ориентированный и дисциплинарно-ориентированный подходы к пониманию преступного поведения.

Брюс Арриго в 1995 году рассматривает интеграцию более определенно в рамках постмодернизма как синтез, который касается релятивной, позиционной и предварительной функцией для интерпретации, толкования, проверки и отказа от некоторых дискурсов, а также их выражения для конструирования реальности в расходящихся социальных отношениях. Этот синтез включает разнообразные знания из психоанализа, семиотики, постструктурализма, деконструктивизма, учитывает роль человеческого фактора и социальные изменения. Тем самым постмодернистская интеграция, согласно Арриго, стремится «понять вектор и изме-

¹Ibidem. P.186-235.

няющиеся пути, которыми социальные группы сообщаются и дают рекомендации по борьбе с преступностью в местные органы власти, правосудия, законотворчества».¹

Исследования Сэмпсона и Лауба, Вилы и Арриго во многом совместимы не только с постмодернистским подходом Генри и Миловановича, но и со структурной теорией Э.Гидденса, в которой описывается дуальность объективизма и субъективизма, ясно формулируется синтетическая модель интегративной науки о преступности.

На рубеже XXI века появились новые интересные работы в рамках постмодернистского синтеза. Среди них: теория преступности как структурированного действия Джеймса Мессершмидта (1997), в которой автор конструирует преступность с помощью дискурсов и через способы, которыми люди активно формируют свои идентичности (гендерную, классовую, расовую) в тех или иных социальных контекстах и ситуациях.

Интегративный подход Мессершмидта показывает, что преступление – рекурсивная продукция, являющаяся неотъемлемой частью историко-культурных дискурсов, сложившихся в течение длительного времени. Ученый в новой работе «Пол, гетеросексуальность и молодежное насилие: борьба за признание»(2012) развивает положения своей интегративной теории.

Постмодернисты сторонники интегративного подхода в криминологии моделируют как объективные обстоятельства криминального поведения в контексте социальной структуры и социальных изменений, так и влияние субъективных факторов, «чувственных смыслов» при совершении делинквентных действий. Если в модернистских интегративных теориях описывается множественная, в лучшем случае вероятностная причинность, то постмодернистская интеграция уже учитывает более сложную связь причины и следствия в форме множественной интерактивной причинности.

¹Ibidem. P.226-227.

6.4. Пост-постмодернистская интеграция

Контент-анализ новых криминологических источников и монографических текстов показывает, что в результате научной состязательности в криминологии начала XXI века развиваются не только модернистские и постмодернистские, но и гибридные(смешанные) *пост-постмодернистские интегративные теории преступности*.

Ярким примером гибридного подхода в научном синтезе является пост-постмодернистская интеграция криминологических знаний, выполненная криминологом-постмодернистом Грэггом Баракком в работах «Интегративная криминология» (1998), «Криминология: интегративный подход» (2009). В этих трудах теоретическая интеграция предпринимается уже не только на междисциплинарном, но и межпарадигмальном уровнях синтеза.

Свою модель интеграции Баракк выстроивает исходя из положений интегративного подхода Дж.Тикосинера или Zetetic-учение как науки, изучающей творческую деятельность. Он использует положения конститутивной теории криминологов феноменолого-конструктивистской ориентации С.Генри и Д.Миловановича, постмодернистской криминологии и теории структуризации социолога Э.Гиденса.

Баракк, прежде всего, опирается на философскую идею Тикосинера, которая состоит в объединении всех исследований и знаний в единую гуманитарную науку. Основу его модели составляют также послы из конститутивной и постмодернистской криминологии. Это положение о релятивном и сконструированном характере преступности. Взаимодействуя друг с другом в процессе коммуникации, жертвы, преступники, полицейские, судьи средствами языка конструируют преступность и контроль над ней как взаимосвязанные, динамические, диалектические явления. Кроме того он использует тезис о том, что преступное поведение – рекурсивная продукция – однообразные действия,

ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях. В основе подхода Барака и утверждение о том, что преступность и дополняющий ее социальный контроль над ней – результат совокупного воздействия всех объективных (политических, экономических социальных) и субъективных факторов (чувственно-эмоциональных), а не их отдельное влияние.

Предпочтение интеграции криминологических знаний на постмодернистской основе Г.Барак обосновывает тем, что она учитывает как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние зависимых и независимых переменных (множественная интерактивная причинность). Барак исходит из того, что моделируемые явления (девиантность, преступность, социальный контроль) сложны и неопределенны, постоянно и достаточно быстро меняются в мире постмодерна.

Согласно Гидденсу, структурные свойства социальных систем не существуют за пределами действия, но хронологически вовлечены в процесс его производства и воспроизводства. Гидденс доказывает, что дебаты между сторонниками количественных и качественных подходов в социологической методологии, между теми, кто выступает за макросоциологический анализ и теми, кто придерживается микросоциологических исследований, определяются дуализмом структуры и действия. Теория структуризации утверждает, что такая двойственность ложна и что социальные исследователи должны использовать и количественные и качественные методы исследования, дополняющие друг друга. Этот тезис позволяет преодолеть дуализм и конфликтность в способах мышления и исследования преступности. Положения теории структуризации Гиденса делают интегративную модель Барака открытой к взаимодополняющим подходам и методам, позволяет преодолеть двойственность и конфликтность между модернизмом и постмодернизмом в криминологической теории.

В синтезе, предложенном Г.Бараком, объединяются междисциплинарные, полипарадигмальные знания из а) криминологии о поведении преступника и системы социального контроля, о мерах и последствиях от их применения в форме репрессии; б) социальных и естественных наук, правоведения и культурологии; в) о динамическом взаимодействии между социальной средой (городской экологией) и развитии местной, региональной и глобальной политической экономики. Ученый интегрирует знания из сферы материального мира, связанные с отклонениями и репрессиями, из естественных и социальных наук (юриспруденции, культурологии и человековедения, социальной экологии и политической экономики, позитивистской, феноменологической и постмодернистской криминологии).

Предложенная Бараксом интегрально-учредительная структура предусматривает целостную модель преступления и правосудия, включающая прикладные знания классической, позитивистской и непозитивистской критической криминологии. Таким образом, пост-постмодернистский синтез представляет собой объединение в открытую к изменениям и дополнениям систему не только специализированных криминологических знаний, но и смежных с ними дисциплин. Модель Барака предполагает предельно широкий вариант теоретической интеграции в современной науке о преступности.

Открытая интегративная модель Г.Барака позволяет объединить как позитивистские, так и постмодернистские теории преступности. Их взаимодополнение и взаимодействие со знаниями из области культуры, масс-медиа в контексте социальной экологии и развития политической экономики составляют, по мысли ученого, основную идею интегративной пост-постмодернистской криминологии.¹

В работе «Интегративная криминология»(1998) Барак обосновал тезис о том, что теоретическая интеграция – необходимая

¹Barak G. Integrating criminologies. Boston: Allyn & Bacon.1998.P.216-232.

предпосылка для переустройства криминологии, способ ухода от ведущей карающе–административной формы социального контроля в сторону новой более превентивной социально–демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности и другим формам девиантности. Интегративная трансформация, к которой он призвал ученых, включает как «разрушение, так и реконструкцию ритуалов в преступности, в криминологии, системе формального и неформального социального контроля».¹

Развитие пост-постмодернистского синтеза преступности с объяснением работы системы правосудия в англоязычной литературе закрепились под названием интегративно–конститутивной теории преступности, закона и социальной юстиции Г.Барака и С.Генри (1999). Эта концепция моделирует процесс со–конструирования преступности и правосудия. Вид синтеза, предложенный учеными постмодернистами, – попытка соединить пересечение классовых, расовых, гендерных знаний и характеристик с динамикой формирования социальной идентичности и массовыми коммуникациями. Она связывает анализ культурных практик с изучением преступности, описывает разнообразные тезаурусы, с помощью которых различные люди, потерпевшие от насилия, выстраивают дискурсы с различными организациями уголовной юстиции, осуществляющими власть.² В «Энциклопедии преступности и наказания»(2002) Г.Барак пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках пост-постмодернистского подхода могут сочетать положения современного эмпиризма и постмодернистского реконструкционизма.

Интегративная парадигма – многообещающее направление

¹Barak G. Integrating criminologies. Boston: Allyn & Bacon.1998.P.236-255.

²Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage,2002) [Электронный ресурс]. URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative_.htm

развития науки о преступности.¹ Именно пост-постмодернистские интегративные теории преступности, по Бараку, будут наиболее перспективными для развития криминологической науки в новом столетии.

В работе «Криминология: интегративный подход» (2009) Барак продолжает развивать свой пост-постмодернистский подход к пониманию природы преступности, но уже в контексте глобализации.² Он критически оценивает криминологические теории в исторической ретроспективе, обосновывает интегративное изучение преступности, мер социального контроля над ней, аргументирует предложения по совершенствованию системы уголовного правосудия в глобальном мире.

Среди российских криминологов на пост-постмодернистскую интеграцию Г.Барака отреагировали Д.А.Шестаков и Я.И.Гишинский. Положительно оценивая интегративный криминологический дискурс, его познавательный потенциал в целом Д.А.Шестаков, в частности, считает, что теоретическая интеграция криминологических теорий существенно осложняется тем, что теории эти рассматривают проблемы преступного поведения на разных уровнях: микроуровень, на котором проистекает поведение отдельного человека, структурно-культурный уровень, уровень преступности в целом как некоего социального феномена.....Столь обширная сложная интеграция может вести к чрезмерно значительному отходу от первоначальных формулировок, сделанных различными криминологами».³

Резюмируя, следует еще раз отметить, что новые объяснительные возможности пост-постмодернистской интеграции — результат создания теоретического фрейма как открытой к изменениям и дополнениям системы знаний о преступности, социальном

¹Там же.

²Barak G. Criminology: An Integrated Approach. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

³Шестаков Д.А. Криминология. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрический центр Пресс», 2006.

контроле, включая специальную терминологию, а также положения смежных с учением о преступности наук. Ценно, что гибридная модель предполагает предельно широкий охват непротиворечивых и дополняющих друг друга знаний, накопленных как позитивистской, неопозитивистской, так и постмодернистской наукой о преступности и социальном контроле.

Пост-постмодернистский синтез позволяет моделировать диалектическую причинность как множественные интерактивные причинно-следственные взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно на микро-, и макроуровне социальной системы. Пост-постмодернистская интеграция знаний — это путь, который в перспективе позволяет лучше других интегративных подходов учесть взаимосвязь преступности и других проявлений негативной девиантности, социального контроля как сложных, неопределенных, постоянно и достаточно быстро меняющихся феноменов во времени и пространстве ультрасовременного мира, живущего по логике виртуализации в быстро трансформирующемся глобальном мире.

Наряду с новыми объяснительными возможностями по диалектическому описанию причинности в контексте социальных и иных изменений, происходящих в социуме, пост-постмодернистская интегративная теория имеет немалые перспективы по переустройству и совершенствованию уголовного права, правоохранительной и пенитенциарной системы, правосудия. Они видятся на пути реконструкции социально неопасных составов преступлений и ухода от ведущей карающе-административной формы социального контроля в сторону более превентивной социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности и других проявлений негативной девиантности.

Таким образом, пост-постмодернистская интеграция криминологических знаний открывает не только новые объяснительные возможности, но и закладывает перспективу преодоления дуаль-

ности и конфликтности в способах мышления, созданных в рамках модернизма и постмодернизма при изучении, описании, реконструкции преступности и социального контроля над ней. Это новый, продуктивный вектор в развитии теоретической криминологии, который представляет немалый интерес и для развития российской науки о преступности.

Вопросы для закрепления материала:

1. Объясните, в чем состоят предпосылки и специфика модернистской интеграции в криминологической теории.
2. Опишите типы причинности в криминологии.
3. Приведите примеры криминологических теорий, разработанных на основе постмодернистского синтеза.
4. Раскройте опыт пост-постмодернистской интеграции на примере криминологической теории Г. Барака.
5. Покажите, в чем состоят новые объяснительные возможности пост-постмодернистской интеграции.
6. Раскройте основные различия модернистских, постмодернистских и гибридных (смешанных) интегративных теорий преступности.

Литература

- Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»: монография / Я.И. Гишинский. – 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013.
- Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гишинский. – 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2009.
- Гишинский Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы / Я.И. Гишинский // Ежегодник уголовного права. – 2013.
- Гишинский Я.И. Очерки по криминологии/ Я.И. Гишинский. – СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с франц. – М.: Мысль, 1994.
- Дюркгейм Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Рубеж: Альманах социальных исследований. – 1992. – №2.
- Интегративные теории, интегративные криминологии //Энциклопедия преступности и наказания (Sage,2002) [Электронный ресурс]. URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative.htm
- Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие / Ю.Ю. Комлев. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд.дом АЛЕФ-ПРЕСС,2014.
- Комлев Ю.Ю. Преступность: тренды и вызовы на пороге новой технологической революции / Ю.Ю. Комлев //Вестник ВЭГУ. – 2017. – №4.
- Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк / Ю.Ю. Комлев. – Казань: Казанский юридический

ский институт МВД России, 2016.

- Комлев Ю.Ю. Генезис зарубежных теорий преступности: от позитивистских моделей к пост-постмодернистскому синтезу криминологических знаний / Ю.Ю. Комлев // Криминология: вчера, сегодня завтра. – 2017 – №1.

- Контексты современности: хрестоматия / пер. с англ. – Казань: АБАК, 1998. – С.5

- Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности / Р.К. Мертон. – М., 1966.

- Мертон Р. Социальная структура и аномия / Р.К. Мертон // Рубеж: Альманах социальных исследований. – 1992. – №2.

- Петров И. В России резко выросло количество рецидивных преступлений / И.В. Петров// RBCDAILY от 30.03.2011 url: <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/30/focus/562949979958708>

- Современная девиантология: методология, теория, практика : коллективная монография; под ред. Ю.А. Клейберга и Kwati S. Darty. – London: UK Academy of Education, 2016.

- Смелзер Н. Социология / Н. Смелзер; пер. с англ. – М.: Феникс, 1994.

- Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография / И.Л. Честнов. – СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012.

- Шестаков Д.А. Криминология / Д.А. Шестаков. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

- Akers R. Criminological theories: introduction and evolution / R. Akers. 2nd. ed. – Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997.

- Barak G. Integrating criminologies / G. Barak. – Boston: Allyn & Bacon, 1998.

- Barak G. Criminology: An Integrated Approach / G. Barak. – Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

- Chambliss W. Toward a political economy of crime / W. Chambliss // Rubington E., Weinberg M.S.(eds.), The study of social problem: seven perspectives. – N.Y., 2003.

- DiCristina B. Methods in criminology: a philosophical primer / B. DiCristina.– N.Y.: Harrow and Heston,1995.
- Downes D. Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking / D. Downes, P.Rock. – 3-rd ed. – Oxford University Press,1998.
- Milovanovic D. Postmodern Criminology / D.Milovanovic. – N.Y-L.: Garland Publishing,Inc.,1997.
- Sellin T. The conflict of conduct norm / T. Sellin // Kelly D. Deviant Behavior: a text-reader in the sociological of deviance. – 5th ed. – Los Angeles,1996.
- Tannenbaum F. Crime and community / F.Tannenbaum. – N.Y.,1938.
- Tannenbaum F. The dramatization of Evil / F.Tannenbaum // Perseption in criminology. – L.,1975.
- Young A. Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal / A. Young // Conversations. – N.Y.: Sage Publications, 1996.
- Schmallegger F. Criminology today: an integrative introduction / F.Schmallegger. – New Jersey, 1999.

Учебное издание

Комлев Юрий Юрьевич

ТЕОРИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Учебное пособие

Корректор О.Н. Хрусталева
Дизайн обложки С.З. Еникеева

Подписано к печати 28.11.17г.
Формат 60х90 1/16. Усл. печ.л. 6,7
Тираж 30 экз.

Типография КЮИ МВД России
420108, г.Казань, ул.Магистральная,35